

ДМИТРИЙ БИЛИК

ЗАСТЕНЕЦ

Застенец

Дмитрий Билик

Застенец

«автор»

2022

Билик Д. А.

Застенец / Д. А. Билик — «автор», 2022 — (Застенец)

Их город появился в нашем мире внезапно. Окруженный туманной стеной, за которую не мог проникнуть никто из людей. Ровно до того момента, пока один из иномирцев зачем-то не оставил мне в наследство дар. И теперь я первый застенец среди иносков. Первый человек среди магов. Но все такой же чужак.

© Билик Д. А., 2022

© автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	36
Интерлюдия	41
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дмитрий Александрович Билик

Застенец

Пролог

Громкий стук в дверь прозвучал как приговор.

Ирмер привык, что к нему давно перестали ходить просто так, по дружбе. Да и друзей у Его Светлости уже не осталось. Кто был – умер, а другие сгинули Там. Разве что Самарин. Но Ирмер сам отдалился от бывшего друга, чтобы не портить тому карьеру в Высоком Сенате.

Поэтому Даниил Маркович напряженно прислушался к звукам в собственном доме. Скрип половиц, негромкий шорох голосов, тяжелые шаги Иллариона, повторный стук, только теперь уже в дверь опочивальни.

– Входи, – хотел крикнуть, но в итоге тихо просипел Ирмер.

На пороге появился рослый мужик с едва забеленными висками. Даниил Маркович напрягся, пытаясь вспомнить, сколько Илька ему уже прислуживает. Пятый десяток пошел. Его Светлость выкупил вихрастого мальчишку на ярмарке. Тот оказался не только крепким и сильным, но еще и смышленным. Оттого и остался при Ирмере.

– К Вам гости, – с явным неудовольствием сообщил Илларион. И добавил уже намного громче, чтобы слышали и ожидающие внизу: – Их высокоблагородие граф Дараган, их превосходительства господа Зейфарт и Зубарев, их высокопревосходительство светлейший князь Максutow.

Ирмер досадливо крикнул и тяжело вздохнул, пробежав дрожащими пальцами по воздуху. Плетение защитного заклинания распустилось, позволяя гостям войти. А Даниил Маркович тем временем размышлял.

По поводу Дарагана даже не беспокоился, тот его пороги с месяц обивал. Все сулил золотые горы, если он передаст дар Дарагану-младшему, почти бесталанному балбесу, которому волшба сделает больше худа, чем добра.

И Зейфарт захаживал. Директор лицея одаренных подростков. Но к его чести, тот действительно больше за судьбу мальчишек беспокоился. Были у него на виду несколько «способных», которые с даром Ирмера могли стать сильнейшими в Империи. Ну, или в том, что от нее осталось.

Но генерал-лейтенант, Главноуправляющий Третьим отделением Зубарев был редким гостем. Да и то, Там. После перехода Ирмер его и не видел почти. Так, на каких-то приемах, мельком. Причем без особого удовольствия.

Что до князя, Даниил Маркович искренне надеялся, что их жизненные пути не пересекутся никогда. Максutowа, правую руку Императора и председателя Государственного Совета, называли Бульдог. И не просто так. Ежели вцепится, уже не отпустит.

– Подай халат, – повелел Ирмер.

Облачившись, Даниил Маркович медленно, опираясь то на руку Ильки, то на витую трость, спустился вниз. Где и застал всю честную компанию. Зейфарт, по своему обыкновению, замер возле окна, Дараган расхаживал взад-вперед по комнате, а Зубарев стоял посреди ковра, вытянувшись в струнку. И только Максutow, щеголь лет сорока, с убранными в пробор волосами и тонкими усиками, сидел в кресле закинув ногу на ногу. Более того, нахально курил длинную коричневую сигарету в вишневом мундштуке.

Ирмер возмущенно закашлялся. Князь тут же поднялся туша сигарету.

– Прошу прощения, Ваше Сиятельство, закурил от скуки.

Сказал, но в глазах плясал бесовский огонек. Будто нарочно так устроил. И ни секунды не раскаивался.

Даниил Маркович махнул свободной рукой, мол, ничего страшного, и уселся в кресло.

– Чем могу быть полезен, господа?

Нет, конечно, Ирмер знал. Он был сильный маг первого ранга, переживший эпидемию представитель древнего княжеского рода. Всем хорош, разве что бездетный. Отчего с каждым годом поток просителей к нему множился. И что ему только не предлагали! Деньги, поместья, должности, фамильные реликвии редкой работы, даже угрожать пытались. И все в обмен на дар. Но раз уж явился Максutow, значит, за него принялись всерьез.

Как уже было сказано, Ирмер являлся сильным магом, опытным. Сам чувствовал, что ему осталось немного. Полгода, год. Даниил Маркович и так задержался на этом свете. Когда вспыхнуло моровое поветрие, выкосившее треть всего населения, ему уже было пятьдесят два. Получается, восемнадцатый десяток разменивает.

С каждым новым месяцем тело слушалось Ирмера все хуже. Волшба его только и поддерживала. И Максutowу, как магу, пусть и молодому, но все же сильному, это тоже было известно.

Гости переглянулись, словно решая, кто заговорит первым. Не повернул голову лишь князь. Он и начал.

– Привели нас к Вам дела государственной важности, Даниил Маркович, – заполнил комнату его до отвращения властный голос.

Ирмер склонил голову, рассматривая свои расслоившиеся ногти. Он знал, что сейчас ему скажет Максutow. Родина в опасности, как и сам Император.

– Над Его Величеством сгущаются тучи, да и для нас ничего хорошего не предвидится. Родина в опасности, Даниил Маркович.

Эти разговоры Ирмер знал почти наизусть. Их печатали в единственной оставшейся газете, повторяли в лавках и магазинах, твердили как долдоны на балах толстые генералы. Застенцы хотят нас уничтожить!

– С каждым новым днем внимание застенцев становится все более навязчивым, – не обманул ожидания Его Светлости князь. – И не сегодня-завтра они вновь попытаются напасть на нас.

– Может, тогда следует попробовать договориться с ними, а не воевать? – предложил Ирмер.

– Вздor! – не сдержался Зубарев. – Кто они против нас? Вша!

– Застенцы, насколько мне известно, в технологическом плане ушли далеко.

– Это пустой спор, – отмахнулся Максutow. – Мы не суесловить пришли. Даниил Маркович, Вы уважаемый в Империи человек, не последний дворянин в Собрании. Но все мы понимаем, что Ваше время пришло. Дар такой силы не должен исчезнуть безвозвратно.

Ирмер чуть не задохнулся от возмущения. Он ожидал всякого, но не подобной прямоты. Максutow не мог не знать, что если Даниил Маркович отдаст свой дар, то долго не протянет. Но Ирмер смог скрыть чувства, приняв удар достойно.

– Прощу прощения, господа, – тяжело поднялся на ноги Его Светлость. – Я оставляю вас на пару минут. Старый стал, в уборную приходится каждые полчаса бегать. Тело, что называется, подводит. Илька, поди сюда.

Зубарев досадливо крикнул, а Максutow даже не попытался скрыть свое недовольство. Ирмер с помощью верного слуги поднялся наверх. Однако направился не в уборную и не в опочивальню, а напрямиком в кабинет.

Даниил Маркович был не только хорошим магом, но и умным человеком. Он понимал, что этот день придет. И даже подготовился к нему. В ящике стола давно лежали оформленные задним числом надлежащие документы. С одной лишь пустой графой, которую Его Светлость до сих пор так и не заполнил.

Ирмер предусмотрел все, кроме самого главного. Он не нашел наследника. Щупал по всей Империи волшебным Глазом, собирал множество различной информации от частных сыщиков, но подходящего кандидата не обнаружил. Ни среди дворян, ни среди простолюдинов. Всех обуяла ненависть и желание уничтожить соседей. Тех самых застенец, которые жили здесь задолго до появления магов.

Внезапно странное предчувствие овладело Ирмером. Он подошел к окну и вгляделся в туманную дымку Стены, возведенной и поддерживаемой сотней магов. По сути, созданного магического барьера, защищающего от возможного вторжения. Хорошее заклинание, кованное. Даниил Маркович снял сначала один слой, потом второй. Раньше бы он побоялся, поостерегся, что заметят, но теперь потерять было нечего.

И магическим зрением, через десятки стен зданий Васильевского острова, в крохотном оконце тумана, увидел другой, чужой мир. Высокие каменные дома, снующие по дороге закрытые самокатки вроде телег, выставленные солдаты с, должно быть, винтовками. Но взгляд Ирмера оказался прикован к омнибусу со странными рогами. С той лишь разницей, что никаких запряженных лошадей Даниил Маркович не заметил. Омнибус вез себя сам по железным рельсам.

Внутри, облокотившись на руку, сидел парнишка. Ирмер не особо разглядывал его внешне, с лица воду не пить, а вот Взором ощупал как только мог. И остался доволен. Светлая душа, на долю которой выпало много испытаний.

– И еще выпадет, – негромко произнес Даниил Маркович.

Парнишка был не идеален. Была в нем и тьма, пусть и спрятанная очень глубоко. Раньше бы поглядел на него да прошел мимо. Но что делать, когда ты оказываешься на безрыбье?

На мгновение время если не остановилось, то принялось течь невероятно медленно. А Ирмер хоть и говорил шепотом, едва различимо, однако мальчишка его слышал. Каждое слово громом отзывалось в голове подростка.

– Назови свое имя.

Конечно, лучше бы было устроить все по-другому. Познакомиться, рассказать самому о текущей ситуации, ввести в курс дел. Однако именно времени теперь катастрофически не доставало. Поэтому Ирмер не церемонился. Надавил своей магической мощью, и парнишка тихо выдохнул.

– Коля... Куликов Николай Федорович.

И тогда Ирмер отпустил мальчишку. Но прежде вложил в него почти всю силу. Он понимал, что рискует. Парнишка может попросту не выжить. Как умирали все прочие при моровом магическом поветрии. Потому дар вкладывали только в тех, кого уже коснулась волшба. Однако сейчас выбора не было.

После он тяжело уселся на высокий стул, достал дрожащими руками документы и везде вписал имя. Писал невероятно долго, с огромным трудом выводя каждую букву. А закончив, позвал слугу.

– Илья! Илья, сукин сын! Поди сюда.

Голос Ирмера звучал тихо, бесцветно, словно принадлежал призраку. И если бы Даниил Маркович видел себя со стороны, то поразился бы, как сильно постарел. Удивился переменам и Илька, застывший на пороге. Слуге стоило невероятных усилий над собой, чтобы приблизиться к сидящей за столом живой мумии в одежде хозяина.

– Отведи... Вниз...

Каждое произнесенное слово казалось сравнимо с подвигом. Ни о какой самостоятельной ходьбе теперь и речь не шла. Потому Илья поднял Его Сиятельство на руки и понес вниз.

– В столе письма... – шептала ему на ухо мумия. – Тебе и Самарину.

Силы почти покинули Даниила Марковича. Разве что только пальцы до сих пор крепко сжимали листки бумаг. Он даже не понял, как оказался в кресле. Лишь обвел всех взглядом,

увидев растерянные лица господ и рассерженное – князя. Потому позволил себе напоследок улыбнуться, наконец расцепив пальцы.

– Дар... – только и сказал он.

Листы бумаг упали под ноги разгневанному Максуту. На том история жизни мага первого ранга, Его Светлости Ирмера Даниила Марковича кончилась. А другая началась.

Глава 1

– Проклятые иносы!

Хмельному возгласу тетки вторил звон рюмки. Опять чокается с бутылкой. Дурацкая привычка, которая меня невероятно бесит.

Я свесился с кровати, посмотрев на дисплей смартфона. Восемь сорок пять. Будильник поставлен на девять. С одной стороны – все равно скоро вставать, с другой, – именно эти пятнадцать минут я бы предпочел поваляться в кровати.

Первым делом забил в телефоне прогноз погоды. Облачно, но дождя нет. А следом посмотрел в окно. Все так, синоптики не обманули. И обещанный ночной дождь обошел нас стороной. Это здорово. Значит, поле сухое.

Сначала я заглянул в ванную комнату, умылся и почистил зубы. А потом все же пришлось зайти на кухню. Честно говоря, я не любил общаться с тетей в таком состоянии. Но тут уж никуда не денешься. Я живу в ее квартире, поэтому вынужден терпеть периодически обостряющиеся приступы алкоголизма.

Если честно, даже не знаю, что их активизирует. Она может спокойно держаться два-три месяца, а потом неделю пить, превращаясь в подобие берсерка. Оттого и постоянной работы лишилась. Перебивается мойкой полов. Сегодня катализатором стал телевизор и новостные передачи. Хотя, может они подвернулись под руку уже после.

– Проклятые иносы! – указала она на экран нашего крохотного LG на стене.

– И тебе доброе утро, тетя Маша.

– Смотри, как лебезит перед ними! – с отвращением выплюнула она.

На экране был наш президент с их министром иностранных дел. С виду – обычный репортаж делегации на высшем уровне. Только стоит знать: один из них человек, а другой – инос.

Забавнее всего, что кличку дало само правительство. Точнее, после необъяснимого появления иноземного города они нарекли вторженцев «оккупационными силами иномирных существ». Военные сократили всю эту тряхомудию до «иносов». А от них слово ушло в народ.

Правда, с тех пор многое поменялось, конечно. Теперь пришельцы именовались «наши иномирные партнеры», но простой народ все равно называл их иносами. По старой памяти. И боялся так же, как и раньше.

– Всех их надо к ногтю! – брызгала слюной тетя.

– Надо, надо. Весь мир в труху, тетя Маш. Ты бы только закусывала.

На столе расположились дешевенькие пресервы, буханка черного хлеба и початая бутылка водки. Вторая, только уже пустая, лежала на полу. Такой себе натюрморт.

– Уничтожить всех, чтоб неповадно было. Пока они на нас не напали!

– Ты опять по Рен-ТВ передач насмотрелась? Да и вроде пытались уже уничтожить. Ничего не получилось.

Официально это называлось «акт принуждения к миру и отступлению оккупационных сил к предыдущей точке дислоцирования». Короче, туда, откуда они прибыли. А кто-то из блогеров обозвал «семидесятиминутной войной». Потому что именно столько времени в непонятно откуда взявшийся посреди нашего миллионника чужой город летели ракеты.

Что было потом – непонятно. Нас всех вырубил. И военных, и гражданских. Упали несколько самолетов близ города, зарегистрировали кучу аварий со смертельным исходом. После оказалось, что и большинство военной техники выведено из строя, без шанса на восстановление. А чужой город накрыт непроницаемым щитом, сквозь такой и мышь не проскочит. С тех пор и начались медленные неповоротливые танцы, которые принято называть дипломатией.

Я сварил себе гречки, приправив ее сливочным маслом. Отрезал немного дешевой колбасы с привкусом картона и быстро съел. Надо успеть размять ребят. На тренера надежды никакой.

На прощание тетя Маша поцеловала меня в щеку. В нос ударил резкий запах дешевой водки.

– Так на маму похож, – сказала она, и ее голос сорвался.

Я обнял ее и улыбнулся. Если тетя заводила разговор о матери, значит, она доходила до нужной кондиции. Еще рюмка-другая, и уснет.

Что до матери – да, похож. По крайней мере, если судить по фотографиям. Вживую я ее не помнил, как и отца. Они разбились, когда мне только исполнилось три года. Ехали на машине вместе с тетей Машей, которая и была за рулем, когда на встречу вылетела фура. Автомобиль понесло, и их выкинуло в кювет. Отец умер сразу, мать – уже в реанимации. Тетя выжила. Хотя и не была виновата, но это ее надломило.

Я тряхнул головой, скидывая морок прошлого. Было и было. Давно это уже все пережили, надо двигаться дальше. Сейчас самое главное – предстоящий турнир.

Не скажу, что у меня есть какие-то особые надежды на его счет. Что обычная детско-юношеская спортивная школа могла противопоставить профессиональным академиям? Да ничего. Мы даже не СДЮСШОР. Поэтому – что имеем? Ободранные мячи, тренера-пьяницу и поле с кочками за школой.

К тому жевозраст у нас уже подходит. Почти всем нашим семнадцать, это я на год младше, к ним случайно затесался. После совершеннолетия всех вежливо попросят из системы детско-юношеского футбола. Государство дало нам все, что могло. Да и так понятно, профииков из нас не вышло. Теперь на вольные хлеба, играть любителями. Или скорее уж – учиться и работать. Так будет более правдиво.

Но на прощание хлопнуть дверью – хотелось. Вот мы и заявили на областной Волжский турнир. Даже денег на взнос собрали. Большинству помогли родители, я же подрабатывал тайне от тети курьером.

– Кулик! – окликнул меня на улице знакомый голос.

Ко мне спешил наш долговязый нападающий Максон. По совместительству – лучший друг. Длинный с горбинкой нос, чуть оттопыренные уши, зато идеально зачесанные волосы и выбритые виски. За прической Максон следил лучше, чем за состоянием бутс.

– Как мы их вчера, а? – улыбался он, словно жил в престижном районе Самары, а не на Портянке. – Все три игры выиграли. С первого места вышли.

– С группой повезло, – сухо заметил я. – Сегодня самая заруба будет.

– Ну так порубимся, – легкомысленно ответил Макс. – Ты чего рюкзак взял?

– Мяч, фишки, вода, бутсы, форма. Это только ты после игры не переодеваешься. Погнались быстрее, а то опоздаем.

– Куда опоздаем? Времени еще вагон.

– Я через Волгина пройти хочу.

– Опять на своих иносов будешь пялиться?

Я не ответил. Ну да, так уж получилось, что мне повезло дважды. Если, конечно, это можно назвать везением. Мало того, что иномирцы появились в моей родной Самаре, так в довершение ко всему – еще и в нашем районе. Да что там, практически, на соседней улице.

Конечно, нас сначала даже временно выселили. Правда, через месяц вернули обратно. Лишь ближайшие дома к городу, окруженному туманной стеной, оставили безлюдными да выставили солдат и ограждение. Теперь квартал между Мориской и Гагарина был четко заблокирован.

– Что там хочешь увидеть? – пожал плечами Макс, когда мы вышли на Волгина. – Один хрен, ничего не видно. Туман и туман.

В этом он оказался прав. Сама улица, за последний год обзаведшаяся новыми тротуарами, бордюрами и даже подстриженными газонами, густо заросла деревьями. И без тумана на таком расстоянии мало что разглядишь, а последний и вовсе делал это невозможным.

Однако каждый раз, когда я проходил здесь, сердце начинало бешено биться. Будто вот именно сейчас что-то должно произойти. Понятное дело, ничего не происходило. Но меня продолжало сюда тянуть.

Мы прошли улицу и свернули к остановке. Благо, ждать пришлось недолго. Вот уж в чем главный плюс появления иномирцев – они в Самару вдохнули вторую жизнь. Стали делать новые дороги и вовремя ремонтировать старые, автобусов и трамваев на маршрутах добавили, строили новенькие гостиницы.

А как иначе? Наша волжская провинция прогремела на весь Земной шар. Поначалу власти даже собирались не пускать иностранных журналистов, а город сделать закрытым. Но почему-то передумали. Вроде как сами иносцы на этом настояли. А в последнее время и вовсе пошли на серьезные послабления. Журналисты и туристы ломанулись сюда рекой. И то поговаривали, что за ними хорошенько присматривают спецслужбы.

Мы между тем спокойно сели на новенький трамвай с цифрой «3». Ехать на нем недолго, до «ХХII Партсъезда». А там пересядем на семерку и до стадиона доберемся. Но важно другое, если занять самое высокое место в конце вагона, то в момент пересечения Волгина будет виден дальний блокпост, за которым уже и раскинулся сам город.

– Все равно ничего не видно, – понял все Макс, когда моя физиономия прилипла к окну.

– Отстань, – отмахнулся я.

Потому что в этот момент мы как раз выехали на перекресток. Ничего особенного, все как обычно. Куча туристов и журналистов, которые бесцельно бродили по улицам. Они приехали посмотреть иносцов, но видели только туман. Ближе к чужому городу их не пустят солдаты. Сейчас немного побродят и поедут «на Дно» пить разливное пиво. Потом на пляж или за Волгу, ловить последние теплые деньки августа.

Я прищурился и от удивления даже перестал дышать. Неожиданно в плотном тумане показалась крохотная прореха на уровне третьего этажа. И пара огненных глаз, которые буквально припечатали меня к месту.

– Назови свое имя! – повелел властный, полный необъяснимой силы голос.

Ему невозможно было противиться. Я понимал, стоит незнакомцу захотеть, тот убьет меня щелчком пальцев. А может, и щелкать даже не придется. Самое благоразумное – сделать то, что он просит.

– Коля, – сказал я.

Однако легче не стало. Скорее даже – наоборот. Незнакомец усиливал давление.

– Куликов Николай Федорович, – выпалил я.

И лишь тогда отпустило. Словно кто-то разжал жесткую хватку. Стало легче дышать, мышцы расслабились, только вот справа в нижней части живота резко заболело.

– Колян, Колян, ты чего? – испугался Макс.

Я обнаружил, что почти сполз с сиденья на пол. Надо ж, даже не заметил. Слова Максима привлекли ненужное внимание кондуктора. Я поспешил сесть нормально, прислушиваясь к ощущениям собственного тела. Боль медленно стала затихать.

Другу я не сказал о случившемся по одной простой причине – сам не знал, что сейчас произошло. Для чего иносцу, а я явно разговаривал с одним из них, мое имя? Вписать в поздравительную открытку и прислать на Новый год? Можно просто СМС отправить.

Раньше я бы точно не поверил, что такое может быть. Но когда рядом с тобой возникает чужой город, жители которого обладают, мягко говоря, сверхъестественными способностями, согласишься хоть в черта.

– Колян, наша остановка, – толкнул меня в бок Макс.

Это мы минут пятнадцать уже проехали. Совершенно потерял чувство времени. Я поднялся и вышел наружу. И вот именно тогда меня скрутило по-настоящему. Боль была такой силы, что потемнело в глазах. Даже дышать стало тяжело.

– Колян, Колян! – слышал я испуганный голос Максона. Чуть позже к нему прибавился еще один, недовольный.

– Накурятся своей соли и блюют везде.

Я с трудом сфокусировал взгляд на старенькой бабулечке в застегнутом, несмотря на жару, пальто. Божий одуванчик участливо трясла клюкой. Создалось ощущение, что сейчас она меня огреет.

– А Вы откуда знаете, что ее курят? – с подозрительным видом, будто дело шло о госизмене, спросил Максон.

– Я... – растерялась на мгновение бабка, но тут же собралась. – Знаю, и все.

– Может, и где достать – в курсе? – перешел на заговорщицкий шепот Макс.

Бабка почему-то заозиралась, а после со странным бормотанием, больше похожим на древнеарамейские проклятия и клекот птиц, ушуршала в закат.

– Карга старая, вот прицепилась. Коля, ты как?

– Норм, просто прихватило. Наверное, у колбасы срок годности кончился.

Боль действительно потихонечку отступила. Однако тонкий противный голосок внутри ныл, что дело совсем не в колбасе. И даже не в гречке. А в том самом пронзительном взгляде иноса. Зараза, и как, спрашивается, я буду играть в таком состоянии? Когда в любой момент меня может выключить.

Но мерзкий живот, который вдруг перестал болеть, убеждал в обратном. Мол, все отлично, не переживай. Мы даже добрались до остановки «семерки» и сели на трамвай. Теперь ехать придется долго.

А может, все дело в фантазии? Я ведь действительно только и жил надеждой, что в какой-нибудь момент увижу иноса. Или даже поговорю с ним. А сегодня не выспался, состояние, что называется, пограничное. Вот и почудилось.

Что до боли... Я поморщился, выискивая в голове нужное слово. И даже вспомнил. Точно – психосоматика. У нас Матвей лодыжку сломал два года назад. Так он теперь при любом серьезном стыке за нее держится.

– Жестко будет, – между тем болтал без умолку Максон. – Первая игра, и сразу – с москвичами. Вот, на кой хрен они к нам заявили, а? В Москве турниры все закончились, что ли?

Я пожал плечами. С одной стороны, он в чем-то прав. Турнир не самый серьезный. Из явных претендентов на победу были две местные академии – из Самары и Тольятти. В одну из которых меня даже в свое время взяли. Только отцепили при первой же травме. Потом, конечно, звали обратно, но я не пошел. Гордость и все такое.

А тут нарисовалась еще третья академия, красно-белая, с ромбиком на груди. Может, тоже решили на Самару посмотреть? С другой стороны, всегда приятно играть с серьезным соперником.

– Как думаешь, сильно влетим?

– С таким настроением лучше на поле даже не выходить, – серьезно ответил я. – Если очкуешь, так мне и скажи. Я Шиху вместо тебя выпущу.

– Шиху? Ты издеваешься? Он же медленный, как черепаха!

– Зато с пяти метров не промахивается, – хмыкнул я, намекая на вчерашний матч, в котором все же удалось победить.

– Да мне там защитники мешали, – надулся Макс. – Зато посчитай, сколько я тебе голевых отдал.

Да, наша тактика с наконечником-столбом, который принимал верхние мячи и скидывал на набегающего полузащитника, сработала. Футбол простой, как две копейки.

Но теперь Макс хотя бы замолчал. Да и ладно. Пусть лучше пообижается, зато на матч настроится.

В таком задумчивом состоянии мы и доехали до стадиона. Нам, само собой, надо было не на него. Кто даст сорокатысячник под юношеский турнир? А перед ним, если идти от трамвайной остановки, уже раскинулась огромная поляна с искусственным газоном. Так похожая на ту, в Москве, где я однажды чуть не попал на карандаш в серьезную команду.

Это произошло на одном из турниров. К нам тогда пришел Мишка Фигурнов, отец которого был какой-то крупной шишкой. Играл Мишка, откровенно говоря, средненько. Да еще и характер у него поганый. Все время норовил одеяло на себя перетянуть, мяч передерживал, пасы не отдавал, то и дело обрезаюся. Гонору у него на пять рублей, а игры – на копейку. Ото всюду его вытурили, несмотря на деньги отца. Вот он у нас и оказался.

Тут его батя решил, что мы достойны лучшего. Оплатил взнос за турнир с тем лишь условием, чтобы сын играл в основе. Ну, нам не жалко. Для нас поиграть на таком турнире, да еще за бесплатно – удовольствие, которое не каждый день доводится испытывать.

И мы поехали за счет Фигурнова-старшего в Москву, точнее в Подмоскowie, на довольно сильный турнир. Он даже автобус для родителей оплатил. Понятное дело, ничего мы не выиграли. Из шестнадцати команд седьмое место заняли. Вот только потом началось самое интересное.

Играл я тогда нападающим. Не совсем моя позиция, все же не такой длинный, как Макс. Но он очень уж не вовремя сломался. И так случилось, что стал я лучшим бомбардиром турнира. Даже дали награду в виде дешевенькой пластиковой бутсы на постаменте.

А после игры подошел ко мне тренер из одной столичной команды, достаточно известной. Похвалил, спросил, где мои родители. Очень с ними поговорить хотел. Я его к тетке-то и отвел. А сам будто отошел, но все же рядом крутился.

И оказалось, что этот хороший и красивый дядя звал меня в академию. На полный пансион, где я смогу развить свои футбольные качества. И возможно, когда-нибудь стану профессионалом с хорошей зарплатой и перспективой играть в лучших клубах страны. А там, чем черт не шутит, и за рубеж можно. У меня даже крылья за спиной выросли.

Правда, потом обмолвился, что таких как я много и конкуренция серьезная. Поэтому неплохо бы посодействовать в денежном эквиваленте для попадания в академию. Мне тетя потом говорила, что она озвученную сумму и в руках никогда не держала. А я все понял. Про футбол, государственные академии, свое будущее. И крылья сами собой отвалились.

Либо тебя Бог целует в ногу и все называют гениальным с детства, либо ты очень богат. К слову, мою теорию через пару лет подтвердило появление в той же академии Фигурнова. Видимо, папа лазейку нашел. И пусть он плотно сидел на банке, но суть я уловил. И надежды связать свое будущее с профессиональным футболом отпал.

Планы на жизнь у меня были простые. Закончить школу, поступить в училище и побыстрее слезть с теткиной шеи. Первые два пункта удалась. Теперь остался третий. Да и вообще, я хотел тетю Машу вылечить. Нашел одну клинику с хорошим отзывами на Демократической улице. Вот только стоимость лечения там была совсем не демократическая, что в очередной раз говорило в пользу клиники.

Все было просто, понятно и рационально – не надо витать в облаках. Необходимо зарабатывать деньги. Как можно быстрее. Однако в те самые моменты, когда я выходил на поле, в душе все равно просыпалось какое-то детское чувство. Хотелось двигаться с мячом как Рональдinho, обводить как Зидан и забивать с дальних ударов как Бэкхэм.

Вот и сейчас, стоило почувствовать запах резиновой крошки и увидеть блестящий на солнце газон, как внутри все затрепетало. Тем более вдалеке стояли наши парни, большей частью уже переодетые и довольно злые. И было отчего.

На всеобщем фоне выглядели мы не очень-то презентабельно. Стоптаные и выдавшие виды бутсы, самые дешевые гетры, старая, почти выцветшая форма, которой уже не год и не два. Последнюю мы берегли как зеницу ока, надевая только на официальные матчи. Но та все равно поистрепалась.

Понятно, что пацанам тоже хотелось выглядеть достойно. Вот только все из самых обычных семей, где родители получают совсем не миллионы. Тут попробуй просто одень-обуй своего балбеса, про футбольные аксессуары речь не идет. Я это понимал довольно четко.

И что-то мне подсказывало, что именно на этой почве моя команда сейчас собиралась подраться. С теми самыми москвичами. Я сбросил рюкзак и припустил так, что тоже ускорившийся Максон остался далеко позади.

Глава 2

С генетической лотереей мне не сказать чтобы повезло. К примеру, я не был высоким. Что для футболиста в нынешних реалиях большой минус. Да и откровенно красивым меня назвать нельзя. Не урод, конечно, лицо симметричное, но на этом природа решила остановиться. Мол, с тебя хватит.

Однако в чем я вытащил счастливый билет – пошел комплекцией в отца. Коренастый, как старое кряжистое дерево. Бывало, так корпус поставлю, что соперники отлетают, будто кегли. А мне хоть бы хны.

Вот и сейчас я влетел между ругающимися, так оттолкнув главного мажора с капитанской повязкой, что тот чуть не упал. Его подхватили товарищи, иначе бы оценил собственной задницей самарское гостеприимство.

– Чего хотел? – сразу перешел я к сути.

Высокий пацан в красно-белой футболке стиснул зубы, однако драться не кинулся. Ага, с ним все ясно. У нас бы из-за такого уже точно махач начался. Видимо, хорош только на словах. Если начать давить, то может и заднюю дать.

– Да я говорил своим, что на турнир «Зенит» вроде не заявлялся, – сверлил он меня взглядом. – А бомжи все же приехали.

Противный смех его дружков резанул слух. Словно шакалы скалятся.

– Шел бы ты отсюда, пока не навалили, – вежливо предложил ему я.

– Кто мне навалиет? Ты, что ли, козел?

Тут я понял, что дипломатические переговоры зашли в тупик. Я сам был сторонником мирного разрешения конфликта. Таким становишься, когда с десятков раз получаешь по морде. Вот только есть индивидуумы, которые миролюбие принимают за слабость. Поэтому тут действовать нужно быстро и резко. Как в футболе. Чуть зазевался – упустил момент.

Удар у меня тяжелый, выверенный, мажор даже среагировать не успел. Лишь плюхнулся на газон, удивленно хлопая глазами и схватился рукой за лицо. Мои ребята подобрались, готовясь накинуться на противника. Они тоже тонко чувствовали ситуацию. Только москвичи драться не собирались. Обступили поверженного товарища и завопили на все лады, привлекая внимание. Сам мажор с запозданием вскочил, почему-то глядя поверх меня. А потом закричал.

– Реф! Товарищ судья, вы видели?! Он меня ударил. Дисквалифицируйте этого...

Видимо, мажор хотел добавить какое-то обидное слово. Возможно, намекая на очередное парнокопытное животное. Однако сдержался. Ага, мышечная память она такая. Его бы к нам на Портянку дня на три, совсем бы человеком сделали.

– Кого дисквалифицировать? – будто бы удивился проходящий мужчина в ярко-желтой футболке. – На нем и формы нет. Да и вообще, турнир не начался. Давайте лучше расходитесь.

Из взглядов москвичей сейчас можно было высекать искры. Но совету они вняли. Медленно и неохотно побрели прочь, то и дело оглядываясь.

– Не можешь ты спокойно жить, Коля? – вкрадчиво поинтересовался рефери.

– Стараюсь, Василий Степаныч, – ответил я, – получается плохо. Москвичи первые начали.

– Первые начали, – передразнил меня пузатый судья. – Как ребенок, ей богу, Коля.

Он обернулся посмотреть, не глядят ли на нас, а после подал руку. Я ее пожал.

– Ты хоть знаешь, кому в морду дал? – спросил он.

– Мудаку, который не умеет себя вести, – честно признался я.

– У мудака фамилия есть. И фамилия эта – Спиридонов.

– Сын того самого, который за «Динамо» гонял?

– Ага. А этот за нашу молодежку уже привлекается. Непростой парень. Ты бы аккуратнее, хотя, чего уж теперь... Петрович где? – спросил он.

– Обещал прийти. Задерживается, наверное.

– Давайте, через двадцать минут начало. И не лезь сегодня больше никуда. Выясняйте все на поле, – сказал он и тут же поспешил добавить. – В пределах правил, разумеется.

– Постараюсь.

Я проводил его взглядом и открыв рюкзак вытащил фишки. А после расставил их по полю, а сам быстро переоделся. Прямо здесь. Не хватало еще время тратить, чтобы до раздевалки добежать.

– Федя, Белый, мячи принесли?

– Ага.

– Давайте, в три колонны. Ведение мяча до середины, потом передача. Я пока Ибру разомну.

Ибрагим – худой длинный татарин, был нашим вратарем. Вообще, талантливый пацан, что называется, с данными. Если бы у нас еще тренировки вратарей были – так он точно бы стал профи. А так – играл в основном на рефлексках. Единственное, за все годы научился позицию правильно занимать. Но его техника была сыровата.

Вот и сейчас он ловил мячи с моих подач, пытаясь сразу фиксировать их стертыми почти до пальцев перчатками.

– Ибра, твои сегодня будут? – спросил я.

– Не-а. Отец на работе, мать с малым, – ответил тот.

Я кивнул, хорошо. Когда на матче присутствовали родители, играл наш вратарь плохо. Всегда волновался, оглядывался, ожидая реакции. А реакция была. Отец то и дело орал на него, вводя в еще большее смятение. Иногда родитель – самый худший враг начинающего футболиста. Да что там иногда – очень часто.

– Пацаны, пас через стеночку. На месте не стоим, семенем ногами! Что вы как мухи сонные? Щас вас москвичи разбудят.

Команда у нас подобралась неплохая, но уж очень подвержена переменам настроения. Могли лидеров обыграть, а порой аутсайдерам сливали. Я надеялся, что небольшая стычка с москвичами настроила всех на боевой лад.

– Длинные пасы в одно касание! Темп, темп! Макс, ногой об наковальню постучи! Почему ему три шага надо делать после твоего паса?

– О, Коля, начал уже, молодец!

На поле, постепенно заполняющееся зрителями, появился наш тренер, Геннадий Петрович. Ну или просто Петрович. В прошлом профессиональный футболист, даже в ФНЛ играл до тридцати восьми. А потом, когда вышел в тираж, выяснилось, что никому он особо не нужен. Без образования, без специальности. Благо, хватило ума, прошел какие-то курсы на детского тренера и оказался у нас.

Вообще, мужик он неплохой. Детей любит, и не орет, в отличие от других наставников. Он научил нас многому. Одна у него беда – бутылка. Вот и сейчас Петрович шел неуверенной походкой, оглядывая собравшихся мутными глазами. Либо с жуткого похмелья, либо еще пьяный.

– Команда, давайте сюда, – сказал он. – Размялись? Молодцы. Короче, не слушайте никого, играйте в свое удовольствие. Нам тут все равно ничего не светит.

– Ты, Петрович, мотиватор от Бога, – ухмыльнулся я.

– Как есть, так и говорю. Не садитесь под противника. Главное, высокий прессинг, заставляйте их ошибаться, а свои позиции не прое... не теряйте. Не давайте им поднять голову и принять решение. Коля, по полю расставишь всех? Я схожу водички возьму.

Я кивнул.

– Максон центральный нападающий, Шиха, ты под ним. Я и Горян опорники. Правый край нападения – Илюха, левый – Князь...

Все слушали меня внимательно, будто это был последний матч в нашей жизни. Хотя, наверное, так оно и есть. На подобном уровне вряд ли мы еще когда-то поиграем. Скоро каникулы закончатся, кто поступит куда, кто в армейку пойдет. Да я и сам собирался с футболом завязывать. Слишком много времени отнимает.

– Пацаны, садимся чуть глубже, мы их все равно не перебегаем. Но и бить не даем. Наш шанс – контратаки.

Василий Степаныч свистнул и махнул нам рукой, приглашая к центру поля. Я глубоко выдохнул, пытаюсь унять волнение, и пошел вперед. Команда поплелась за мной. Москвичи уже стояли, негромко переговариваясь. И что-то мне очень не понравились их довольные лица.

– Команде напротив наш физкульт-привет, – сказал тот самый мажор, а остальные вяло поддержали последние слова.

Ну-ну. «Напротив»? Ведь знает название нашей команды. В протоколе написано. Видимо, пытается вывести из себя.

– Команде напротив наш физкульт-привет, – ответил я.

Шеренги двинулись навстречу друг другу, пожимая руки. Я все ожидал какой-нибудь подлянки, вроде выставленной подножки или чего-то подобного, но Спиридонов-младший шепнул, когда мы приблизились: «Тебе конец».

Интересно, он действительно думает, что сможет меня подобным напугать? Я лишь усмехнулся и подошел к судье, как капитан команды. Следом двинулся и сам мажор. В самую старую игру под названием «Орел и решка» выиграл я, выбрав ворота. Взял те, которые располагались по солнцу. К тому моменту светило периодически пробивалось из-за туч. Ибре будет неприятно играть, поэтому его надо обезопасить. А вот во втором тайме может быть все, что угодно. Сегодня обещали переменную облачность. Вдруг какая туча и набежит.

Мяч, соответственно, достался москвичам. Его установили на центр, а разыгрывать подошел сам Спиридонов. Понятное дело – нападающий. С такой-то фамилией и родословной, куда ж ему еще? Не вратарем же. Блин, и вратарь у них здоровый, под два метра. Ну ладно, мы еще посмотрим, что да как.

Мне показалось, что свисток прозвучал даже несколько тревожно. Спиридонов отпасовал мяч ближайшему партнеру, а тот уже катнул назад. И игра москвичей мне не понравилась с первых минут.

Они не стояли и смотрели, что там делают товарищи. А заполняли нужное пространство, отлично двигаясь без мяча.

Как только наше нападение дошло до защиты, попытавшись показать хоть какой-то прессинг, они тут же поменяли фланг. Короткая стеночка, если не прошла, то отдать назад, потом диагональ, и вот игра переместилась на другую сторону.

– Миха, твой, твой, добегай! – орал я, рискуя сорвать голос. – Уже! Не растягивайтесь. Максон, садись ниже, все равно в офсайде!

Пару раз я пытался вступить в отбор, вот только безрезультатно. Они играли слишком быстро для нас. И это при том, что даже не собирались переходить к плотному наступлению. Скорее, катали мяч, присматриваясь. С другой стороны, присматривался и я.

Опорник у них, к примеру, левой играет довольно средне. Правда, его средне – как у Максона правой хорошо. Но пару пасов пришли не сказать чтобы в ногу. Хаву пришлось делать несколько шагов для приема мяча. А это время.

Правый центральный защитник у них здоровый, но медленный. Поэтому в пару к нему поставили бегунка среднего роста. Видимо, тот и страхует.

Края защиты – великолепны. Тут уже ничего сказать не могу. Правда, левый бровочник слишком высоко поднимается. На этом можно попытаться поймать. Если удастся отобрать мяч, конечно.

Что до Спиридонова, то он, зараза, оказался хорош. Пару раз накрутил наших центральных защитников и ударил. Первый раз с фланга успел выдвинуться Сема, подставив ногу в самый последний момент, а второй сыграл Ибра, переводя на угловой. Если так пойдет, то нас порвут как Тузик грелку.

И именно в этот момент живот неприятно заныл. Блин, ну почему сейчас? Я сделал два шага и остановился, следя за мячом.

Атака москвичей как раз разбилась о нашу оборону. Ибра забрал мяч и вынес его далеко вперед. Мы сначала пытались играть в короткий пас возле своих ворот, но не преуспели. Поэтому упростили футбол до невозможности. Правда, Максону зацепиться не удалось. Тот самый здоровый защитник легко выиграл единоборство и отпасовал опорнику.

Вот только сейчас что-то изменилось. У меня создалось ощущение, что все стали двигаться намного медленнее. Словно перешли на энергосберегающий режим. А еще я внезапно понял, что знаю, куда сейчас отдаст передачу опорник. Он на ходу сначала поднял голову, мельком оценив диспозицию на поле, потом оперся на левую ногу, вытянул правую, вывернул стопу...

Я выдвинулся навстречу весьма вовремя, буквально, пролетев несколько метров на одном рывке. И даже почти не удивился, когда мяч оказался у меня в ногах. В отличие от команды противника. Что-то кричал вратарь, матерился Спиридонов, но я уже несся на всех парах. Передо мной лишь два защитника – тот самый бегунок и здоровяк.

Первого я убрал чуть качнув корпусом. Оперся на правую ногу, а сам рванул в левую. Тот даже пытался цепляться за футболку, но стартовал я всегда хорошо. Да и черта с два ты руками остановишь такого шкафа как я.

Передо мной встал здоровяк. Только вблизи я понял, какой же он огромный. Просто гигант. Примерно на две головы выше меня. А руки... как мои ноги. И взгляд какой-то недобрый, словно хочет сделать мне что-то плохое.

Я не люблю эффектные финты, предпочитая им эффективные. Да и вообще, дриблеров, которые нарочито издеваются над противником, никто не любит. Такие обычно сразу получают по ногам.

Но именно сейчас все сошлось. «Марсельская улитка», он же финт Зидана, пришелся как нельзя кстати. Я крутанулся вокруг рослого защитника и вывалился один на один с вратарем. Который уже быстро пятился, растопырив огромные руки. Зараза, какой же комбикорм вам вместо еды выдадут?

Я сделал ложный замах, заваливая голкипера на газон. И уже был готов отправить мяч в пустые ворота, когда почувствовал удар по ногам. Тот самый здоровяк, видимо, обиделся, и вмазал со всей дури по ахиллу. Испуганную тишину разорвала длинная трель свистка. А уже после звуки заполнили пространство вокруг.

Судя по движухе, намечалось что-то вроде драки. Я даже на месте подскочил, кинувшись разнимать ближайшую ко мне парочку. Тут уже подоспел и Василий Степанович, врубившись своим внушительным авторитетом в толпу. Полетели желтые карточки, но самое важное, в его руках появилась красная. Для моего обидчика. Ну да, что тут скажешь? Фол последней надежды. А еще рефери показал на точку. Хотя, в справедливости пенальти ни у кого не осталось сомнений.

– Ты как? – спросил недовольный Максон, получивший одну из желтых.

– Да нормально. Все в порядке.

– Он шипами тебя сзади по ахиллу ударил. Я думал, все, хана. А ты вскочил, будто даже боли не почувствовал.

– И не надейся, – усмехнулся я. – Пенальти я сам бить буду.

И отошел к точке, прислушиваясь к своему организму. Странно, но ахилл действительно не болел. Словно и удара никакого не было. Зато неприятно пульсировал низ живота. Зараза!

Раздался свисток. Я разбежался и влупил. Сильно и точно. Вратарь не реагировал, а гадал. И даже направление нужное выбрал. Вытянулся в струну, пытаюсь достать рукой мяч. Но тот предательски ушел выше, под самую перекладину, «сбив паутину» с девятки.

Наши праздновали так, будто мы только что выиграли лигу чемпионов. Даже на руки меня подняли, придурки. Мои придурки.

– Собрались, – тормошил я каждого, оказавшись на ногах. – Сейчас самое тяжелое начнется.

И оказался прав. Вместо хава тренер москвичей выпустил центрального защитника, высокого пацана с квадратным лицом. Вот только легче нам не стало.

Совершенно не ощущалось, что у противника не хватает одного игрока. Напротив, нас возили, будто это мы были в меньшинстве. Вдобавок и стыки стали еще жестче, противник то и дело норовил нарваться на карточку. Только мне в центре поля раза четыре хорошенько дали по ногам. Но даже здесь чувствовался профессионализм. Фолили москвичи именно в тот момент, когда перекрывали судье обзор. Степанычу приходилось свистеть по факту, когда он видел, как я валился на газон.

– Реф, сколько осталось? – спросил я пробегая рядом.

– Две минуты, – мельком взглянул на часы Василий Степаныч.

Хотелось, чтоб меньше. Москвичи устроили настоящий навал на наши ворота. Как мяч еще не залетел в сетку – я до сих пор не понимал. Точнее, понимал. Мы сейчас показывали, наверное, свою лучшую игру. Бегали на морально-волевых. Все же стычка перед матчем пошла на пользу. Все понимали, что именно сейчас нельзя пропускать никак. Попросту никак. Надо выстоять.

Мы опустились так низко, как только могли, не помышляя о нападении. Даже Максон «сел» на свою половину поля. А все остальные и вовсе не пытались выйти из штрафной.

Забавно, но несмотря на нарастающую боль, я, наверное, был самым подвижным из всей команды. Даже не чувствовал, что устал. Прямо сейчас готов еще тайм отбегать.

– Бить не давайте! – кричал Ибра, которому мы закрыли почти весь обзор.

Оно и верно. Если сейчас отскочит какой-нибудь рикошет, он даже среагировать не успеет.

Мяч перешел к Спиридонову. Тот сделал ложный замах, прокинул вперед, чтобы следующим касанием пробить по воротам. Именно тогда я успел выскочить и обокрасть его, после чего помчался, как подорванный. Бежал так, словно не было сыграно тайма, а меня, свежего, только что выпустили на поле.

Опорник соперника попытался схватить за плечо, но я двинул им так, что он улетел в сторону. В грязном подкате, даже не пытаюсь сыграть в мяч, на меня несся один из защитников. Не знаю, как мне удалось в последний момент подпрыгнуть. Теперь между мною и воротами соперника были всего лишь половина поля, второй защитник и вратарь. Голкипер вышел слишком далеко, и сейчас с прытью испуганного кабана бежал обратно. Такое ощущение, что даже быстрее меня.

Но я увидел то самое окошко, в которое и можно было забить. Перекинуть голкипера. Раньше меня бы смутило расстояние. Все-таки, так далеко я точно никогда не бил. Однако именно теперь вкупе со все более нарастающей болью в животе укреплялась и решимость. Поэтому я прокинул мяч на несколько шагов вперед, разбежался и шмальнул.

Замерли все. И мои пацаны, и москвичи, и зрители. Лишь вратарь вытянулся в тщетной попытке достать мяч, пущенный ему за шиворот. Но тот пролетел под самой перекладиной и оказался в воротах.

Первые несколько секунд никто даже не поверил. Сначала опомнился Василий Степаныч, свистнув и указав на центр. А уже потом ко мне рванула вся команда, крича нечто невразумительное. Я шел им навстречу, пытаюсь сдержать эмоции, но губы сами растягивались в улыбке. Вот только шел все медленнее и медленнее. Потому что боль в животе не просто вновь ослепительно вспыхнула. Она нарастала с каждой секундой, пока терпеть ее не осталось сил. И последнее, что я увидел – испуганное лицо Максона.

Глава 3

Очнулся я на чем-то мягком, приятном. И это было довольно странно. Газон не похож на перину. И бровка, с избытком засыпанная резиной, тоже.

А когда открыл глаза, то стал изучать новое место своего пребывания. Я находился в больнице. Причем довольно крутой, насколько мог судить по мебели и каким-то навороченным приборам. Одноместная палата с решетками на окнах – не хухры-мухры. Так, а зачем здесь решетки?

Тюрьма? Так я вроде ничего такого не делал. Ну, немного физиономию Спиридонову поправил, он даже лучше стал. И ума точно прибавилось. Если за это закрывать, у нас вся страна сидеть будет. Тогда что?

Как я ни силился, не мог придумать ничего такого, за что меня можно было закрыть. Я не ангел, конечно, но законы старался не нарушать. Потому что мне в голову вбили – делать херню легко и весело. А вот расхлебывать ее – долго и уныло.

Первым делом я проверил конечности. Нет, свободен, даже наручников нет. Значит, все не так уж плохо. Я медленно привстал, ожидая возобновления боли в животе. Даже на тумбочку возле кровати оперся на всякий случай. Но нет, чувствовал себя почти как космонавт. Ну, или Илья Муромец, вставший с печи за банкой холодной «Колы». Или за чем он там вставал?

Более того, состояние было как после хорошего долгого сна. Голова ясная, тело свежее. Еще бы добавить в котелок немного понимания, что произошло.

Одежда на мне тоже была чужая. Какая-то серая пижама, подогнанная точно по размеру. Что же это за странная такая больница? Я осмотрел себя и обнаружил на правой руке следы от шприца. Либо кровь брали, либо уколы делали.

Мягкой походкой я подошел к двери и попытался открыть ее. Ручка ушла вниз, но замок не подался. Зато с той стороны началось какое-то оживление. Рассыпались шорохом голоса, застучали каблучки мужских туфель, щелкнуло что-то вдалеке. И сразу все стихло.

Ладно, понял, не дурак. Был бы дурак, не понял. Я вернулся к кровати и прилег обратно, ожидая тех, кто меня запер. То, что они придут, сомнений теперь не вызывало. Хотя бы телефон оставили. Нет, я не собирался звонить в полицию, внутреннее чутье подсказывало, что без нее тут не обошлось, но хотел узнать, как там ребята сыграли.

Вскоре мое терпение было вознаграждено. Сначала щелкнул замок, затем повернулась ручка и открылась дверь. В палату вошли три человека. Собственно, врач, и двое невысоких мужчин почти одинакового роста в костюмах. Я даже удивился, насколько похожи и невзрачны были их лица, зацепиться не за что. Ни носа картошкой, ни большого разреза глаз, ни волевых подбородков. Все отличие у них в том, что первый был одет в костюм серого цвета, а второй – синего. А еще у Серого была кожаная папка. У меня как-то сразу неприятно заныло внутри.

А вот врач располагал к себе. Высокий дядька с мясистым красным носом и густой щеткой усов. И голос у него оказался громкий, с первых секунд заполнивший всю палату.

– Коля, как себя чувствуешь? – спросил врач.

– Спасибо, хорошо. А где мы?

– В госпитале ФСБ.

Серый дернулся было, собираясь что-то сказать, но уса́тый будто почувствовал его движение, и отмахнулся. Ого, значит, это не простой дядька, а какой-то авторитет в здешних кругах. Или просто тот, кого нельзя заменить.

– Ох, и напугал ты нас. Вчера полуживого привезли, сердце еле бьется, пульс нитевидный, а к вечеру уже стабилен. Кровь мы у тебя взяли, все в порядке. Давай еще давление проверим, – продолжал врач, заодно поводя фонариком перед глазами. И вытащил из прикроват-

ной тумбочки навороченный автоматический тонометр. – Рукав закатай. Ага.... Так... Так... Сто двадцать на восемьдесят. Хоть сейчас в космос. Ладно, тогда я готовлю выписку. А ты пока пообщайся с товарищами.

– Привет, Коля, – улыбнулся Серый, доставая из нагрудного кармана удостоверение темного, почти черного цвета, и раскрывая перед моими глазами. – Меня зовут Павлов Иван Иванович.

«Военная разведка» – успел скользнуть я взглядом, и рядом раскрылась вторая корочка.

– Кораблев Иван Павлович, – представился другой.

– Угу, понятно. А я тогда Саня Григорьев, очень приятно.

На мгновение между нами повисла такая напряженная тишина, что казалось, продолжения беседы не будет. Однако Синий с Серым, не сговариваясь (они вообще все делали не сговариваясь, словно две руки одного человека), улыбнулись.

– Значит, правильные книжки в детстве читал, – хмыкнул Синий.

– Каверин на полке стоял, – кивнул я. – Ладно, будем отталкиваться от того, что вы из разведки, пусть и обойдемся без реальных имен. Вы же сейчас расскажете мне, что происходит? Почему я здесь, когда моя команда там играет?

– Матч закончился вчера, – открыл Серый папку, передав мне плотный лист глянцевой бумаги. – Вы проиграли москвичам два-три. А потом еще местной академии. Но если тебе будет приятно, тольяттинцы москвичей в финале выбили. Зато ты стал лучшим бомбардиром. Позолоченную статуэтку мы тебе домой отвезли. А то еще потеряешь здесь.

Я грустно взглянул на грамоту, пытаюсь сглотнуть появившийся в горле комок. На душе было паршиво. Надо же, подвел пацанов. Представляю, в каком они сейчас состоянии.

– Что интересно, ты игрок центра поля, опорник, даже не атакующий полузащитник. А все же забил больше всех в своей команде за четыре игры, – подхватил Синий.

– Просто оказался в нужное время в нужном месте, – ответил я, пожав плечами.

– Скажу больше, у тебя удивительная способность к этому.

– Товарищ Кораблев, или Павлов, я забыл, кто из вас есть кто, а можно не ходить вокруг да около? И просто уже сказать, что происходит? Зачем я здесь? Может, вы меня с кем-то перепутали?

– К сожалению или к счастью, нет, – сказал Серый. – Нам нужен именно ты. Скажи, Коля, а ты вчера не чувствовал себя странно?

– Вчера? – пробежал по моей спине неприятный холодок.

– Вчера, – повторил Синий.

– Да нет, вроде, день как день. А что такое?

– А вот что, – Серый выудил еще листок из своей папочки.

Только теперь он был не такой глянцевый. Но красивый, с массивными печатями, заполненный каллиграфически ровным почерком. Правда, копия. Бумажка оказалась ни много ни мало, а завещанием. Составленным Его Светлостью Ирмером Даниилом Марковичем в присутствии нотариуса Куропаткина на... мое имя.

– Ничего не понимаю. Это... это оттуда? – поднял я голову от листка.

– Оттуда, Николай Федорович, – ухмыльнулся Серый.

– Если говорить серьезно, – впервые не поддержал его Синий, – то Ирмер Даниил Маркович завещал все, что имел, тебе. Имущество, деньги, но что самое главное – дар.

– Дар? – опять попугайски переспросил я.

– Именно так, – подтвердил Синий. – Дар, магия, пси-энергия. Названий можно придумать множество. Но это именно то, что отличает иносов от нас.

– То, из-за чего нам пришлось заключить перемирие, – поддакнул Серый.

От слова «перемирие» меня передернуло. Значит, подразумевалось возобновление военных действий. Видимо, я был слишком наивен. И когда по телевизору говорили о наших

«иномирных партнерах, сотрудничество с которыми будет взаимовыгодно», то новостные программы врал. Надо же...

– Мы довольно мало знаем об иносах, – продолжал Серый. – К примеру, в чем секрет их силы? Или какие у них слабости? За все время в наших руках не было ни одного иномирца. Ни одного.

– Наши граждане, – Синий презрительно выделил последнее слово, – постоянно пытаются прорваться туда. А вот оттуда никто не бежит. Знаешь, почему у большинства солдат на блокпостах оружие с глушителем? Те совсем не для иносов. Глупцы, стену все равно никто и ничто не может преодолеть.

– Я вас понял, – мне стало жутко от этих откровений. – Но я, честно, не понимаю, за что мне все это. Как вы говорите, деньги, недвижимость, дар. Если хотите, я могу отказаться от всего в пользу какого-нибудь подготовленного агента. Нашего Джеймса Бонда.

– Боюсь, иносы не пойдут на это, – покачал головой Синий. – Не знаю как, но они слишком быстро навели справки. Когда ты еще играл, к нам уже пришли с требованием от их императора. От самого императора. Мы были вынуждены в спешном темпе переправить тебя в другую больницу.

– Мы очень ограничены во времени, – подтвердил Серый. – Мы условились, что ты будешь здесь, пока не поправишься. К нашему удивлению, по этому пункту у иносов не возникло никаких возражений. Но, боюсь, они постоянно мониторят твоё состояние по своим... – он запнулся, явно подбирая слово, – ...каналам. И скоро точно будут здесь.

– Я так понял, вы предлагаете мне переехать туда и стать... вашим информатором?

– В общих чертах. Мы пока не придумали, как передавать информацию. Иносы блокируют всю электронику, но это дело времени. Мы что-нибудь придумаем. Ну так что, Коля, вопросы у тебя есть?

– Какие вопросы? – пожал я плечами и развёл руки. – Я так понял, вариантов у меня особенно и нет.

– Есть, но они тебя вряд ли устроят, – ответил Синий. – Можешь сам выбрать, что тебе больше нравится: кнут или пряник.

– В этом мире у тебя есть тетя и друзья по футболу. А у них братья, сестры, родители, – стал загибать пальцы Серый. – Ты не представляешь, на что способна государственная машина, когда речь идет о собственной безопасности.

– Или можно сделать все по уму, – кивнул Синий. – Не артачиться, не лезть на рожон, а медленно и аккуратно собирать информацию. И тогда все выйдет просто замечательно. К примеру, тетя попадет в лечебницу для алкоголиков по специальной государственной программе, на Филатова Максима совершенно случайно обратит внимание какой-нибудь профессиональный футбольный клуб. Ну, последовательность ты понял.

– Коля, война будет, это неизбежно, – сурово процедил Серый. – А кто говорит об обратном – либо лжецы, либо глупцы. И непонятно, кто из них опаснее.

Они впервые с начала разговора замолчали, внимательно глядя на меня. Молчал и я. А что тут скажешь, когда тебя приперли к стене? Вообще, этой парочке на каких-нибудь соревнованиях по ораторскому искусству выступать. Минут десять всего разговариваем, а они спокойно и по делу все разложили. Даже нигде не подкопаешься.

– И что, мне надо где-то подписаться кровью? – наконец спросил я.

– Простого согласия будет достаточно.

– Хорошо, – ответил я. – Но в таком случае и мне от вас кое-что нужно.

– Наши передатчики и оружие у тебя отберут иносы, если обнаружат, – сразу сказал Синий. – А они обнаружат.

– Я о другом. Информация. Расскажите все, что знаете об иносах. Чтобы у меня хоть что-то было на руках.

Видимо, я удивил разведчиков. Ну, или кем они там являлись. Потому что те переглянулись. Причем смотрели друг на друга довольно долго. Может, они телепатически общаются? Однако я понимал, именно здесь и сейчас принимается важное решение.

– О самом основном ты, наверное, знаешь и так, – наконец заговорил Серый.

Для меня теперь все встало на свои места. Старший здесь он. Папочка в руках, лично принял решение относительно секретных сведений... Тем интереснее.

– Они появились у нас чуть больше полугода назад. В границах улиц Мориса Торезы, Дзержинского...

– Это я знаю. Мы с пацанами везде объездили вокруг их города. Там, где можно пройти, конечно.

– Ну и, сам понимаешь, вызвали транспортный коллапс. Они буквально сдвинули наш город своим. Потому что после зоны разрыва спокойно начинается улица Гагарина. Словно и не было ничего. В связи с этим существенно изменился рельеф Волги и...

– Это я тоже знаю, – поспешил вставить я. – Чужой город появился в нашем, сдвинув, именно сдвинув, а не заменив часть нашего. Расскажите лучше об иносах.

– Из того, что мы успели увидеть, их столица похожа на часть Санкт-Петербурга конца девятнадцатого века. Только без Невы. После перехода город стал зависеть от нашей экосистемы, поэтому каналы обмелели. Из географии, наверное, это все.

– Чем мы торгуем?

– С чего ты решил, что мы торгуем? – удивился Синий. Но в его вопросе я почувствовал ехидцу.

– Вы сами сказали, что переместилась определенная часть города. Людей у них хватает. Им нужно что-то есть, пить, носить. Как я понял, производство осталось там, откуда они прибыли.

Разведчики переглянулись еще раз. Только теперь совсем ненадолго.

– Ты прав. Мы поставляем им много чего. Но помимо еды, строительных материалов, угля, сырья для их устаревшего оборудования и прочих мелочей, они требуют драгоценные камни.

– Зачем они им?

Серый медленно расстегнул рубашку, ослабил галстук и вытащил наружу целую россыпь амулетов. Какие-то были на простых шнурках, другие на изящных цепочках. Но каждый венчался драгоценным камнем в искусной огранке.

– Это амулет от любого физического воздействия, – выделил разведчик один из камней рубинового цвета. – Может принять на себя шесть пуль калибра 7,62 мм. Если будет больше, тогда разрушится. Получше любого броника. Только восстанавливается долго.

Он выбрал другой камень, светло-голубого цвета, подцепив его пальцами.

– Этот мы называем «Противогаз». Создает нечто вроде маленького купола вокруг головы на непродолжительный срок. С ним можно даже пару минут под водой пробыть, спокойно дыша. Восстанавливается быстрее.

Следом Серый взял темно-фиолетовый камень.

– Ненадолго слегка усиливает носителя. Реакцию, силу, ловкость. Из плюсов – не разрушается. Из минусов – долго восстанавливается. То есть ты не можешь несколько раз за бой применить его. Самый редкий из того, что достается нам. Их можно было использовать в отрядах спецназначения.

Серый потряс связкой, убирая амулеты за ворот рубашки, после чего застегнулся и подтянул галстук.

– А почему вы думаете, что это не уловка? Что они не распространяют их специально.

– Каждый камень изучается в лабораториях. И мы действительно считываем их свойства, чтобы иносы случайно не подкинули троянского коня, способного разом убить всех носителей

амулетов. Каждая подобная вещичка в наших руках – дипломатическая победа. Иносы больше любят торговать золотом, которого у них предостаточно.

– Плохо то, что у нас нет самого главного амулета, – серьезно сказал Синий. – Того, который защитит от магии.

– Возможно, что его и не существует, – задумчиво продолжил Серый. – Но если б мы получили такой, у нас был бы идеальный щит против них.

Ага, тогда б вас ничто не удерживало, чтобы вдарить ядерными бомбами по иносам. Нет, не скажу, что я был в восторге от иномирцев. Во-первых, как и всякое неизученное явление, они действительно пугали. Во-вторых, никто не знал зачем они появились, и что, самое главное, хотят от нас. В-третьих, сотрудничали они с нами на правах сильного. И зачастую их просьбы походили на требования. По крайней мере, так показывали по телевидению.

Но все же меня необъяснимо влекло к магической стене. В первые дни, когда царил кавардак, мы обшарили всю округу в поисках лазейки. Но ничего не нашли. А теперь мне предлагают вообще отправиться туда и вступить в непонятное наследство. И этот дар... Что с ним делать – тоже не ясно. Когда он проявится?

Нашу беседу прервал топот сапог в коридоре. В палату ввалился целый капитан, если я ничего не напутал в звездочках, после чего отдал честь моим собеседникам и с некоторым волнением отрапортовал.

– Они уже здесь.

– Нам нужно еще несколько минут, – ответил Серый. – Задержи их.

– Они сказали, если через минуту их не пустят, войдут сами.

Синий тихо выругался, а Серый повернулся ко мне.

– Запомни все, о чем мы говорили. Это враги. Ты не должен расслабляться ни на минуту. Скоро мы с тобой свяжемся. Или сделаем так, чтобы ты выехал за стену. О друзьях и тетке не беспокойся. Удачи, Коля.

Все трое стремительно вышли, не сказав самого главного, – что именно мне делать сейчас. Идти за ними или остаться здесь? Промедление привело меня ко второму варианту. Ладно, посидим тут еще немного.

Правда, получилось, именно что – немного. Потому что меньше чем через минуту послышался шум шагов. Будто сюда шла целая делегация. Впрочем, так оно и оказалось. Помимо кучи военных, моих знакомых бравых разведчиков, в палату вошли еще трое иносов. И самого главного из них я знал – министр иностранных дел, которого показывали по телевизору.

Он оглядел помещение, потом посмотрел на меня и коротко кивнул.

– Господа, принесите, пожалуйста, вещи. Николай, Вам следует одеться. И побыстрее. Пора ехать домой.

Глава 4

Его звали Алексей Симеонович. Именно Симеонович, а не Семенович. Наверное, потому я и запомнил эту говорящую голову из телевизора. С другой стороны, иновос не так часто показывали, чтобы начать в них путаться.

В жизни он оказался чуть плотнее и старше. Видимо, в новостных программах работали хорошие визажисты. Или – нам давно пора менять свой старенький телевизор на большую плазму.

Прямой как палка, с вытянутым чуть надменным лицом, украшенным сеткой морщин, серыми глазами и носом-крючком. Мундир с золотыми пуговицами придавал ему определенную статью. При этом министр не вызывал неприязнь. Все его движения были одновременно усталыми и естественными, как у человека, прожившего слишком долгую жизнь.

– Надеюсь, ничего страшного, что я обращаюсь к Вам по имени? Официально Вы еще не вступили в права наследства, да и титул у меня все-таки выше.

– Титул?

– Понимаю, для Вас все в новинку. Я – светлейший князь.

– Вы меня извините, а я – кто?

В любой бы другой ситуации вопрос звучал до невозможности глупо. Но не сейчас. Вот и министр спокойно ответил на него.

– После официального вступления в наследство Вам будет присвоено дворянство. Вы первый из засте... из обитателей этого мира, кто станет графом. Понимаете ли, Ирмер был Светлейшим Князем. Но его титул может быть унаследован только сыном, коим вы не являетесь.

– А так ли нужно это дворянство? – вновь спросил я.

– Если Император так решил, то нужно, – загадочно ответил министр.

Мы шли по коридорам, причём, уже значительно долго. Госпиталь оказался гораздо больше, чем можно было представить. Однако министра это нисколько не смущало. Более того, не стеснялся он и окружающих людей, беседуя со мной совершенно свободно.

– И что я должен делать как граф?

– Постараться не умереть, – ответил министр.

– У всех графьев такая серьезная жизнь?

– Нет, только у Вас, – без тени иронии сказал он. – Осторожнее, ступенька.

– Вы здесь не в первый раз? – решил я сменить тему, поняв, что ничего путного из разговора о дворянстве не добьюсь.

– В первый. Но у меня есть, скажем так, определенные способности, которые позволяют чувствовать себя вполне приемлемо в любом месте.

Таким образом мы дошли до выхода, где уже выстроилось порядочно военных. Спутники министра за все время не произнесли ни слова.

– Выходим, садимся в машину, все остальное расскажу позже. И самое главное, Николай, постарайтесь не нервничать. – После он обернулся к разведчикам, при этом обращаясь к Серому: – Признателен за содействие, господа. В своем отчете упомяну вас. Честь имею.

Мы вышли наружу. Я мельком увидел и даже узнал эту часть Самары. Самый, что ни на есть, центр. В десяти минутах Струковский парк, а там уже и Волга.

У обочины нас ждал черный «Кадиллак». Один из сопровождающих открыл дверь, другой сразу же сел за руль. Через пару секунд все оказались внутри. Ерзая по кожаному сиденью, я с некоторым волнением ждал продолжения нашего разговора. Мне почему-то казалось, что оно точно будет интересным.

– Завещание вам отдать? – спросил я, вытаскивая сложенный листок из джинсов.

– Нет, это копия. Оригинал уже лежит там, где надо.

Министр внимательно поглядел на полицейские машины сопровождения, после чего провел рукой по воздуху, словно что-то шупая. И тут же скривился.

– Как дети, ей-богу. Каждый раз не оставляют свои тщетные попытки нас подслушать.

Он опустил руку и повернулся ко мне. Видимо, министр произвел какие-то манипуляции, потому что лицо его вновь приобрело спокойный скучающий вид. Что именно – осталось для меня загадкой.

– Почему Вы попросили меня не нервничать, Алексей Симеонович?

– Наша магия способна подавлять устройства этого мира. Как правило, разрушать. А эта машина, великодушно предоставленная нам, буквально вся состоит из электроники. Не хотелось бы идти пешком.

– Вы думаете, что я... владею магией?

– Даниил Маркович передал Вам дар, в этом нет никаких сомнений. И коли уж Вы не умерли в первые часы после передачи, то теперь он потихонечку обустраивается на новом месте. Возможны случайные всплески. Поэтому Вам лучше всего вести себя спокойно, не испытывать ярких эмоций. По крайней мере, до определенной поры.

Я скривился. Ну да, подумаешь, вчера ты был обычным человеком, а теперь вдруг стал Светлейшим Князем. И пожалуйста, не дергайся. Делай вид, что все идет по плану. Превосходно, просто восхитительно.

– Я понимаю Вашу растерянность и раздражение, – произнес министр. – Скажу больше, многие в Высоком Сенате и Государственном Совете восприняли Ваше появление без особого энтузиазма.

– Это меня должно как-то успокоить?

– Моя задача – ввести Вас в курс дела, Николай, а не строить воздушных замков. Скажу честно, придется сложно. Старик Ирмер был для всех как кость в горле. А Вы, помимо его имущества и дара, унаследовали и любовь к нему.

– Точнее, нелюбовь.

– Не без этого, – легко согласился министр.

– Алексей Симеонович, можно начистоту? – спросил я.

– Будьте любезны, – впервые в уставших глазах светлейшего князя появилось нечто вроде любопытства. Будто он поймал жука, а тот вдруг заговорил человеческим голосом.

– Что мешает вам у меня этот дар забрать? Ведь у вашего правительства, или не знаю, Совета или Сената, точно есть способы для этого?

– Прямых нет, конечно, но при должном желании... – министр прочистил горло и продолжил. – Если бы Вы, Николай, были только нашим подданным, все действительно оказалось бы проще. В особых, чрезвычайных ситуациях можно сделать так, что дар будет собственностью Его Величества. Однако Вы также являетесь гражданином этого мира.

– Российской Федерации, – поправил его я.

– Это уже не столь важно, – легко отмахнулся светлейший князь. – Сегодня вечером по вашим газетам и те-ле-ви-де-нию объявят неслыханное. Что обычный человек стал инсом. Не смотрите так, я знаю, как вы нас называете. И тут уже дело осложнится.

Он вновь посмотрел в окно, жуя нижнюю губу. Словно впервые попробовал ее на вкус.

– Если с Вами что-нибудь случится, это приведет к эскалации конфликта между нами. В данный момент ни вы, ни мы не готовы к полноценной войне. Точнее, если она начнется, то неизвестно, кто одержит верх. И жертв будет слишком много. Скажу больше, внушительная часть дворян при Императоре склоняются к силовому варианту. Некоторые из депутатов Государственной Думы имеют противоположное мнение. Третьи просто боятся. Ситуация очень шаткая, поэтому возможны различные провокации.

Я ехал, глядя на улицы родного города, и пытался привести мысли в порядок. Еще недавно мне думалось, что я и есть синоним слова «невезение». Сирота с пьющей теткой, без особых перспектив на будущее, который всю жизнь будет влачить жалкое существование. Но нет, оказывается, все может быть гораздо хуже. И все из-за этого дара, который я в глаза не видел.

Для «своих» я теперь разменная карта. Они готовы пойти на все, чтобы воткнуть меня к иносам в качестве шпиона. Да и иномирцы, как выяснилось, особой любви ко мне не питают. Для них я вообще чемодан без ручки. Более того, моя смерть будет отличным поводом, чтобы развязать войну. Ну, что тут скажешь? Идти покупать лотерейный билетик точно не стоит.

Чем ближе мы подъезжали к родному району, тем мрачнее я становился. Мелькнуло стоной городское кладбище, оказался позади Дом Молодёжи, и вот наконец мы повернули на Волгина. Только не по направлению к дому, как я привык, а к иносам. На мгновение я почувствовал себя рок-звездой. Потому что толпа зевак так и норовила вылезти на дорогу. Только куда уж там.

Вся улица уже была оцеплена полицией и военными. Даже ближайшие выезды из дворов временно перекрыли. Я смотрел на это все и пытался унять бешено стучащее сердце. А потом вдруг машина задрожала и заглохла.

Сопровождающие, водитель и пассажир впереди, не сговариваясь, обернулись. Видимо, ожидали распоряжений.

- Дальше пешком, – грустно выдохнул министр.
- Ваша Светлость, можем пересесть в следующую машину, – предложил водитель.
- Ты еще не почувствовал? Он вырубил все машины в округе.

Только через несколько секунд, под осуждающим взглядом сопровождающих, до меня дошло: «он» – это я. Получается, все случилось именно так, как и предупреждал министр. Я каким-то образом вывел электронику, а может быть кое-что еще, из строя, даже не поняв, как именно.

Небо затянуло серыми тяжелыми тучами, и вдобавок заморосил легкий дождик. Вот тебе и «без осадков», верь после этого синоптикам. Хотя, судя по событиям сегодняшнего дня, верить вообще нельзя никому.

Люди на улицах, на балконах и в окнах встретили наше появление восторженными криками, будто впервые на сафари увидели прайд львов. Самое забавное, что в здешних домах снять квартиру туристу было в разы дороже, чем в том же центре. Но они шли на это, в тщетной надежде, что туманный полог откроется, и они увидят таинственный город. Правда, сегодня все их затраты окупились. Зеваки не только лицезрели быстро проехавшую машину с сопровождением, но и настоящих иносов. Одним из которых оказался сам министр иностранных дел.

Вот только последнему не нравилось всеобщее внимание. Ленивый и чуть уставший взгляд Алексея Симеоновича стал цепким, колючим. Глаза бегали, словно не могли сфокусироваться, хищно щупая каждое резкое движение зевак.

А его пальцы меж тем все время двигались. Вот мизинец коснулся большого, потом то же самое сделал безымянный, на смену ему вновь пришел мизинец. Я задышал часто, поняв простую вещь – именно сейчас министр колдовал. Ну или чародействовал, ворожил. Не знаю, как правильно. Суть в том, что он использовал магию.

Но еще больше я удивился, когда почувствовал ее. Эту самую магию. Теплую волну, которая неторопливо накрыла меня. Словно вытянутым щитом укрыл. Причем, только меня, на сопровождающих Алексей Симеонович тратить не стал.

И именно тогда пришло некое успокоение. Возбужденные голоса притихли, даже дождь будто бы капать сверху перестал. Вот только оказалось, что расслабляться рано. Потому что

через этот невидимый кокон я услышал громкий хлопок, похожий на взрыв. А следом еще один.

Вроде бы ничего не произошло. Разве что военные замахали руками да несколько полицейских бросились к ближайшему дому. А Алексей Симеонович остановился, медленно ошупывая себя. И только когда к нему подскочил один из сопровождающих и взвалил раненого на плечо, я увидел окровавленную ладонь министра. Ею он пытался прижать рану.

– Не лечи, – грозно рявкнул министр в ответ на вытянутую руку подчиненного. – Помню я твои художества на Соколовском, еще шрам оставишь. Доберемся до стены, а там уж займутся. Ничего страшного, дотерплю. Николай, не отставай!

Из-за ранения или ситуации в целом, но министр впервые за все время обратился ко мне на «ты». И надо сказать, в его словах чувствовалось столько нечеловеческой силы, что казалось, она способна смять тебя без остатка. Именно сейчас Алексей Симеонович преобразился. Он напоминал разъяренного медведя, исхудавшего и злого, проснувшегося после зимней спячки.

Инос остановился лишь на мгновение, безошибочно повернувшись к той крыше, с которой и велась стрельба. Я ожидал сейчас огня, молний или хотя бы того, что дом провалится в какую-нибудь дьявольскую бездну. Но министр не сделал ничего. Он несколько секунд смотрел внимательно, словно считывая информацию, а потом продолжил путь, опираясь на провожатого.

Между тем большая часть окон стала захлопываться. Зеваки покинули балконы, а оставшиеся на тротуарах туристы рванули прочь. Причем я не понимал, куда именно они бегут. Казалось, что попросту в разные стороны. Главное – подальше от этого места.

Низенький плотный военный в первые несколько минут пытался что-то кричать в мегафон. Однако после того, как оцепление было распалось, раздались автоматные очереди. Я видел, что стреляли в воздух, но попытка привести к какому-то порядку возымела обратный эффект.

Если сначала люди молча, но как можно скорее пытались покинуть улицу, то теперь рвали с нее в панике. Несколько человек упали, но так и не поднялись, а по их телам бежали уже следующие зеваки. Мелькали в толпе приклады, раздавались сочные удары, а тот самый военный все еще что-то говорил.

Однако до нас волна беглецов не добралась. Мы продолжали двигаться вперед, отесняя всех, кто попадался на пути. Это я понял, когда одного из раненых поволокла в сторону невидимая сила. С той лишь целью, чтобы он оказался подальше от нас. Мы будто находились в прозрачной субмарине, прокладывая свой путь посреди океанского планктона.

Всего за несколько минут мы добрались до той части улицы, где уже не было зрителей. Военные расступились перед нами, после чего вновь сомкнули ряды. Причем произошло это все безмолвно, словно было обычным делом.

А я с удивлением отметил, что мы почти добрались до пересечения с Мориса Тореза. Странное место, если честно. Раньше здесь ничего такого не было. Школа-интернат слева и куча сервисов и автомонтажек справа. Вроде, еще какая-то небольшая гостиница в виде частного дома стояла. Честно говоря, уже не вспомнишь.

Когда было можно, мы сюда не особо и мотались. Медвежий угол, спрятанный подальше от основных улиц. Но именно там теперь и возникла стена, состоящая из медленно плывущего, струящегося тумана.

С нашей стороны ближайшие дома были расселены. Но судя по свету в окнах, там что-то происходило. Наверное, разместили какой-нибудь временный штаб, а может, казармы для военных. Или еще что.

Непосредственно на перекрестке оказался развернут последний блокпост: расставлены бетонные блоки, раскрашенные красными полосами, навалены сверху мешки с песком, устроена пара пулеметных гнезд.

Но самое забавное, блокпост был круговым. Повернутый одновременно и к туманной стене, и к нашему городу.

Навстречу нам выскочил пузатый дядька, выполнив воинское приветствие. В руках сопровождающего, который шел впереди, появился ворох бумаг. Их он и передал военному. Затем мы без всяких промедлений прошли через блокпост, и подошли вплотную к туману.

Я прежде не видел подобного. Создавалось впечатление, будто огромную теплую конструкцию облили жидким азотом, и теперь от нее валил пар. Казалось, подождешь немного, и наконец проявятся какие-то очертания. Но секунды шли, а туман все так же струился сверху вниз, расходясь клубами по асфальту. И ничего не происходило.

– Я сам! – прикрикнул министр на своего подопечного, который шагнул вперед. И в голосе Алексея Симеоновича послышался гнев. Я даже удивился, насколько это не соотносилось с его флегматичным характером.

Он поднял здоровую руку и стал производить странные манипуляции. Со стороны казалось, словно министр очищает огромную луковицу. «Сняв» три или четыре чешуйки он опустил кисть, а в образовавшемся оконце среди тумана появилась косматая голова с бакенбардами. Привратник коротко кивнул, после чего туман расступился еще больше, образовав вполне внушительный проем.

Едва я ступил внутрь, как в глазах зарябило от количества людей и животных. В нос ударил запах навоза и прелой соломы. Уши заложило от гомона. К нам бросились сразу несколько иносов в голубых мундирах, точнее не к нам, а к министру, голоса и причитая на все лады.

– Да нормально все, нормально, – отмахнулся он, – царапина там. От Зеркала срикошетило. Где Варвара Кузьминична?

Из-за могучих спин выскочила маленькая девушка в черном платье, белом чепчике и фартуке. На последнем, кстати, был нарисован красный крест. Это что-то вроде сестер милосердия?

Сказать, что девушка была хороша – не сказать ничего. Я рассмотрел крохотный вздернутый носик, огромные голубые глаза и рассыпанные по щекам веснушки. Из-под чепчика выбилась прядь рыжих волос. А ведь она всего на пару лет меня старше.

– Варвара Кузьминична, – обратился к ней министр. А я еще удивился: меня называл просто Николай, а ее – по отчеству. – Там пустяки, но рана больно рваная. Сделайте так, чтобы следы не остались. У Вас рука легкая.

Что происходило потом – я уже не видел. Министра обступили со всех сторон, а ко мне подошла целая делегация. К слову, ее возглавлял красивый рослый мужчина с ровным пробором и тонкими усиками. А еще, в его присутствии очень хотелось ему понравиться. Интересно, это что, природная харизма или магия?

– Куликов Николай Федорович? – спросил он, не сводя с меня внимательного взгляда. Создалось ощущение, что незнакомец буквально прошупывает насквозь.

– Да, – ответил я и чуть помедлив спросил: – С кем имею честь?

Вообще, я никогда так не разговаривал. На Портянке в ходу были более известные фразы, вроде: «С какого района?» и «Каким образом дышишь?». Но, видимо, из-за окружения, этой девушки, молодцов в мундирах, запряженной повозки, хотелось говорить на языке Куприна.

Незнакомец улыбнулся, отчего стал не таким холодным и опасным.

– Максutow Игорь Вениаминович. Позвольте, я Вам покажу Ваш новый дом.

Глава 5

В Питере я был всего один раз. Правда, мало что запомнил, учитывая возраст. Мне тогда было девять. Тетя Маша только начала прикладываться к бутылке, однако делала это редко, и еще стеснялась своего недуга. Так или иначе, но на работе она была на хорошем счету и даже смогла скопить на недельную поездку в северную столицу. Поэтому кое-что о детище первого русского императора я представлял.

И надо сказать, город иноссов действительно сильно походил на наш Петербург. По крайней мере, по первым впечатлениям. Мы как раз проезжали помпезное здание с классическими колоннами. Поодаль, вдоль дороги, располагались колонны другие, с изображением морских божеств. Я даже запоздало вспомнил, что именно здесь мы с тетей были. Называлось место «Стрелка Васильевского острова».

Правда, и отличия нашлись. К примеру, я не увидел реки внизу. Вместо нее там раскинулось широкое обмелевшее русло с узким ручейком. А дальше все – туман. Точнее, магический барьер, вдоль которого мы и ехали. На мои расспросы по поводу произошедшего Максutow подробно все рассказал:

– В одну из ночей небольшая часть нашего города оказалась здесь. Небольшая – это весь Васильевский остров и окрестности. Как сказали ученые, наш рельеф буквально врубился в ваш. Какие-то подземные воды магагидрологам удалось вытянуть наверх, но их недостаточно для судоходства. Да и, справедливости ради, необходимости в Неве теперь нет. Главное, что мы обеспечиваем себя питьевой водой.

Я внимательно слушал его, безбожно трясясь в карете. Ну, или как она называется – экипаж? В общем, легкая повозка с откидывающейся крышей, рассчитанная на четверых. Собственно, столько в ней и ехало.

После долгих препирательств с министром, как я понял, последний очень сильно хотел доставить меня лично, Алексей Симеонович все же сдался. Но отправил с Максutowым свое сопровождение. Не доверял ему, что ли?

Игорь Вениаминович Максutow мне понравился. Ухоженный, но в то же время без переборов. Рослый, крепкий, с приятным располагающим лицом. Мне он представился председателем Государственного Совета. Если честно, пока я ни черта не понял в их иерархии. Но должность внушала уважение. Председатель – это же какой-то начальник, так? Да еще целого Совета.

Как стало понятно, существует Император. Его даже один раз у нас по телевизору показывали. Также были Госдума, Госсовет и Сенат. Для чего и зачем, если есть Император, пока непонятно. Я в школе, несмотря на футбол, совсем дубом не был. И книжки даже читал. Поэтому искренне недоумевал над бюрократическим аппаратом иноссов. Либо просто – я молодой, всего не понимаю.

Из того, что отталкивало от Максutowа, была лишь тонкая коричневая сигарета, которую он вставил в деревянную штучку. Не помню, как она называется. Но увидев, что мне неприятен табачный дым, Игорь Вениаминович тут же ее затушил.

– Николай, позволь на «ты», – не стал держать дистанцию между нами Максutow. – Значит, ты говоришь, что в вас стреляли?

– Не знаю, – пожал плечами я. – Сначала раздался хлопок. Точнее два хлопка. Потом Алексей Симеонович схватился за бок. Они, наверное, больше знают.

Я указал на сопровождающих, которые и бровью не повели. Максutow тоже посмотрел на молчаливых согладатаев, но как-то пренебрежительно. Как на мебель.

– Разберемся, – только и сказал он, приглаживая тонкие усики. – В любом случае, ты у нас человек новый, всего не знаешь. Не лезь на рожон, осмотришься. Мы постараемся тебя защитить.

– А «мы» это кто? И от кого?

– Мы – те, кто и есть власть в этом городе, – улыбнулся Максutow. – А обидчиков, боюсь, будет хватать.

Оставшуюся часть пути он повествовал мне о Петербурге. Своем Петербурге. Собственно, ничего такого. Что где находится, кто где живет. К примеру, так я узнал, что царская семья обитает в особняке, который уступили им купцы Морозовы. Будто это мне хоть что-то могло рассказать.

Но было и кое-что интересное. На мои вопросы Максutow отвечал прямо, а не загадками, в отличие от министра. И даже не пытался юлить.

Интересная деталь заключалась в том, что до какого-то момента наши миры были буквально двойниками. Но в конце XIX века пришел таинственный мор, который выкосил две трети планеты. А те, кто выжил, изменились навсегда, приобретая магические способности.

Само собой, все в разной степени. Кто-то стал сильным волшебником и со временем продолжал развивать свой «дар». Возможностей другого хватало лишь на то, чтобы зажечь свечу или остановить течение реки для перехода по дну. Существовали и вовсе пустышки. Те, способностей которых не хватало ни на что. Их называли недомы с ударением на «е» – сокращенно от недомаги.

Не всем странам повезло в волшебстве. К примеру, Британия и Германия оказались середнячками, зато на первый план вышли Франция, Испания и Османская империя. Ну и мы, само собой. Не было никакой революции. В арсенале российской армии оказалось кое-что намного действеннее вооруженных полков – преданные дворяне.

Но и могучего технологического прорыва не произошло. Как выяснилось, нет смысла сильно развивать науку, когда ты можешь добиться всего с помощью магии. Да и отсутствие войн тоже сказалось. Вот мир и застрял в конце девятнадцатого века.

Император поступал мудро, приближая к себе высокоранговых магов-простолудинов. Именно тогда многим перепали титулы. А одиночки, способные повести за собой толпу, попросту исчезли.

Так не случились ни Первая, ни Вторая мировые войны. Конечно, локальные стычки были, как без них. Австро-Венгрия распалась, большую часть ее приютила Россия, защитив от разграбления. Оставшиеся земли заняла Франция, после поглотив и Италию. Испания забрала Португалию и ушла в Африку. Ну а на Ближнем Востоке жару давали османы.

Но опять же, все это происходило без каких-то существенных потрясений. За несколько десятилетий к людям пришло понимание, что сопротивляться магам – себе дороже. Поэтому лучше жить тихонько и не отсвечивать.

Рассказывал Максutow интересно, красочно. Я слушал и будто сам становился участником этих самых событий. Меня, конечно, коробили некоторые выражения. К примеру, по его словам Россия именно «обрастала» территориями. Словно была обычным грибом, который расположился на дереве. Народы, жившие на этих землях, обязательно с радостью получали наше подданство. Разве что чепчики в воздух не бросали.

Тогда как Испания вела «агрессивную политику» и «насильственно сгоняла народы под свою пяту». Я понимал, что слова Максutowа на какое-то определенное число делить надо. И окажись здесь представитель другого государства, он, наверное, говорил бы ровно обратное.

Однако это не мешало получать хоть какие-то крупинцы информации о моем новом доме. Если можно так выразиться. Признаться по правде, я до сих пор переживал, как там без меня будет тетя. Да и оказаться в новом месте без друзей – такое себе удовольствие. И чтобы хоть как-то отвлечься, задавал все новые и новые вопросы.

К примеру, так как революции не случилось, Романовы остались у власти. Николай II пережил своего сына, погибшего при неудачном покушении. Точнее, оно оказалось удачным. Но по замыслам мятежников, умереть должен был император.

Поскольку у Николая II не оказалось больше наследников по мужской линии, после его смерти власть перешла к внуку Николая I, великому князю Петру Николаевичу Романову, как наиболее достойному. И с тех пор никаких эксцессов и потрясений на престоле не происходило.

Тут я уже попросту сдался. Если про царей Николаев я что-то еще знал, то про великого князя Петра Николаевича даже не слышал. По словам Максutowa, тот был практически гений, миллиардер, плейбой, филантроп и все такое. Короче, Тони Старк на максималках. Сейчас на троне сидел его то ли праправнук, то ли прапраправнук Роман Николаевич. Я даже внутренне посмеялся, они других имен, что ли, не знают?

В целом чужой Петербург производил впечатление какого-то исторического фильма – экипажи и повозки, прогуливающиеся господа с дамами в вычурных нарядах, стайки плохо одетых босоногих мальчишек.

Ах, точно. Максutow же говорил, пару десятков лет назад Российская Империя отменила крепостное право. По поводу чего все испытывали гордость. Вон они какие, прогрессивные и современные.

Но все же были серьезные отличия, которые жирно намекали – этот город из другого мира. К примеру, проехавшие мимо военные в синих мундирах сидели на жутких существах, лишь отдаленно напоминающих лошадей. При внимательном рассмотрении их морды оказались слишком вытянутыми, с выступающими клыками сверху и снизу, зрачки вертикальными, как у змеи, а хвост длинным и тонким. Будто от какой-то рептилии.

Одна такая «лошадка» повернула голову ко мне. Так я от ее взгляда чуть штаны не испортил. Слегка усмехнувшись, Максutow рассказал, что это кьярды – магические кони, используемые только в отдельном корпусе жандармов. С кьярдами все оказалось сложно. Они существа гордые и нетерпимые к людским слабостям. Могут какое-то время передвигаться по воде и воздуху. Вот только выбирают себе хозяина сами. По словам Игоря Вениаминовича, мороки с ними порядочно. Часто бывало, что после смерти жандарма, приходилось убивать и его кьярда. Потому что сил у того было с избытком, а кроме хозяина он никого не слушал. Правда, так случалось раньше, теперь каждого кьярда берегли, как зеницу ока.

Несмотря на день, перед нами слабо светили фонари. Но не электрические. Я заметил, что внутри стекла, вокруг крохотных камней, плясали разноцветные сполохи огня. Как объяснил Максutow – это своеобразный светильник с датчиком движения. Стоило мимо проехать хотя бы среднему магу, они вспыхивали ярче, освещая путь. Это меня тоже покорило. Получается, недомы вынуждены путешествовать по городу в полной темноте.

Забавляли названия лавок «Зачарованная продукция братьев Коростылевых», «Драгоценные камни для ворожбы и прочее», «Банк „Империял“ для благородных господ». На широкой площади раскинулась церковь с табличкой на дверях «Вход в храм со своими свечами для магических ритуалов запрещен».

Но больше всего меня поверг в шок огромный дирижабль, кабина которого была обшита стальными пластинами. Ну да, логично, человека всегда влекло к птицам. А с магией подобное стало гораздо легче осуществить.

– Последний из оставшихся, – проследил за моим взглядом Максutow. – После перехода все их разобрали для внутреннего использования. Путешествовать теперь опасно. Застенцы, то есть, наши иномирные партнеры, могут расценить это как факт агрессии. Мы и так стараемся сидеть ниже травы...

В его голосе чувствовалась то ли обида, то ли неприязнь. Будто это мы перенеслись к ним, а не маги очутились в нашем мире.

– Игорь Вениаминович, а как вы вообще здесь оказались? Не конкретно Вы, а весь город?

Аристократ поморщился, поглаживая усики. Будто действительно думал, рассказывать мне историю их появления или нет. Но все же заговорил, глядя при этом прямо в глаза.

– После морового поветрия, не сразу, но стали появляться Разломы. Сложно объяснить, что это такое. Будто ткань нашего мироздания расходилась в некоторых местах и там появлялись неведомые существа, незнакомые нам раньше. Ряд ученых выступали с теорией, что и магия пришла оттуда. Из другого мира.

Он помолчал, наморщив лоб. Однако своих эмоций скрыть не смог. Фонари на мгновение загорелись так ярко, что пришлось зажмурить глаза. Видимо, Максutow вспомнил что-то неприятное.

– Из одних Разломов выходили существа мирные, пусть нам и незнакомые. Из иных – те, кого пришлось долго и кропотливо приручать. Те же кьярды, например. Но были и такие дыры в пространстве, появление которых вставало нам необычайно дорого. Из них выходили поистине страшные чудовища, часто ко всему прочему наделенные магией.

Он так задумался, что даже вытащил серебряный портсигар и повертел его в руках, будто собираясь закурить. Правда, тут же опомнился, убрав дорожную вещь в карман.

– Но это все в прошлом. А мы, кстати, уже и приехали.

Максutow указал на скромный трехэтажный дом с почти плоской крышей. Он примыкал к четырехэтажной громадине и находился в проулке огромного двора. Если честно, не так я себе представлял фамильный особняк целого князя. Всего по два окна на каждом этаже. Да, сбоку здание вроде чуть шире, но сколько там комнат всего? Тоже по паре на этаж? А ведь Ирмер был не последним человеком, да? С другой стороны, сам факт, что это все в ближайшее время станет моим, заставлял сердце биться чаще.

Хотя я не испытывал особых иллюзий и понимал, что обосноваться здесь будет довольно сложно. Кто я для местных? Мозоль на ноге, с которой приходится мириться. Для «своих», если тех бравых ребят из оборонки можно назвать своими, всего лишь потенциальный источник информации. Не больше.

А тем временем я понимал, что нельзя быть марионеткой в чужих руках. Нет, конечно, можно. Вот только вряд ли марионетка проживет долгую и счастливую жизнь. От нее избавиться, когда кукла надоест. Значит, надо что-то придумывать. Как минимум, узнать, что это за дар и как им пользоваться.

Максutow с людьми министра выгрузились из экипажа и замерли возле дороги. Что интересно, несмотря на обилие домов вокруг, прохожих на улице не было. Видимо, заметил это не только я, но и сам князь. Он долго осматривался, словно выжидая чего-то, сердито поглаживал усики, а после дал знак сопровождающим. И те пошли вперед. А мы с князем за ними.

– Пусть тебя не смущает скромное убранство дома, – пояснял Максutow. – После перехода на этом острове пришлось разместить большое количество людей. Многие дворяне вынуждены были потесниться.

– Я думал, что переход осуществился спонтанно, – удивился я.

Хотя запоздало до меня начало доходить. Васильевский остров, если мне не изменяет память, не мог похвастаться какими-то стратегическими зданиями. Тот же Зимний, Генеральный штаб, Адмиралтейство, да и много чего еще находились не здесь. Но вместе с тем, как я понял, большая часть дворянства, да и сам Император с семьей, оказались во время перехода на Васильевском острове. Совпадение?

– Нашим ученым стало известно о необходимости перехода буквально за несколько часов. Поэтому мобилизация и сборы оказались на скорую руку. Если будет подходящее время и место, я еще расскажу об этом, Николай.

Я пожал плечами. По мне, когда говорят именно так, то дело не во времени и не в месте. А просто человек что-то не хочет говорить. С другой стороны, Максutow и так много чего мне рассказал. Хватит, чтобы поразмыслить на досуге. К тому же надо еще оглядеть свои новые владения.

Люди министра, шедшие впереди, почти добрались до небольшого крыльца, выходящего с торца здания, когда один из них легонько вскрикнул. Я так и не понял, что же именно произошло. Лишь увидел, как человек заваливается на спину, а его глаза, полные ужаса, стекленеют.

Второй успел выбросить руки вперед, и по проулку загрохотал гром. Застучали друг о друга камни мостовой, закрипели стропила крыш, жалобно зазвенели стекла в окнах. И только следом я разглядел выплывающую навстречу фигуру, завернутую в черное тряпье.

По внешнему виду это нечто напоминало огородное пугало. С той лишь разницей, что я не видел палку, к которой оно должно быть присобачено. Пугало плыло по воздуху, вытянув вперед рукав без малейшего намека на руку. Я почувствовал могильный холод, окутывающий переулок. И пар изо рта стал тому подтверждением.

Непонятно, что сделало это пугало. Оно вроде просто плыло себе вперед. Однако второй человек министра рухнул как подкошенный с застывающей печатью ужаса на замершем лице. А пугало тем временем продолжило двигаться к нам.

– Игорь Вениаминович, что это? – спросил я чужим голосом.

Максутов вышел вперед, быстро переплетая пальцами по воздуху. И только потом, будто вспомнив о моем вопросе, ответил:

– Порождение Разлома.

Глава 6

Иногда я казался себе учебником русского языка, где сначала идет теория, а потом информация уже подкрепляется примерами из книжек. Для закрепления материала.

К слову, минут пять назад я благополучно узнал о Разломах. И что следовало ожидать? Конечно же, одного из представителей этого загадочного явления. Повезло, что называется, как покойнику. Собственно, пугало явно намеревалось меня им сделать.

Голову сдавили невидимые тиски, мысли стали путаться, точнее, они смешивались с другим, чуждым разумом. Я понимал, что этот коварный засланец явно хочет мне навредить. Но вместе с тем он как-то искусно маскировался. И спустя всего несколько секунд я понял, что не могу отличить, где мои мысли, а где чужие.

«Нужно умереть!»

«Уснуть!»

«Уйти в небытие!»

«Сдаться!»

Мысли набегали со всех сторон, словно волны теплого моря. Они опутывали подобно сотням веревок. От них нельзя было укрыться или спрятаться. И что самое интересное, эти волны расслабляли. Делали все, чтобы я забыл о проблемах реальности.

Мой взгляд упал на небольшой кусок кирпича, валяющийся под водосточной трубой. Пальцы сами потянулись к нему. И даже сомнений не возникло – смогу ли я разmozжить себе голову этим куском? Конечно. Стоит хорошенько ударить. А если не получится, надо попробовать еще раз.

Шершавая грань кирпича оцарапала кожу. Но я лишь сильнее сжал разбитый кусок, намереваясь приложить самого себя. Как вдруг мозги словно прочистились. Я понял, насколько нелеп был мой план по собственному умерщвлению. Нет, не потому, что орудие выбрал неудачно. Скорее, у меня возник другой вопрос – зачем?

Какого это черта я собрался скоропостижно умирать? Из-за трудностей? Так у меня в жизни вообще никогда не бывало, чтобы все шло гладко как по маслу. А тут выпал джек-пот: попал к иносам, еще дар обещали да недвижимость, пусть не ахти какую, но опять же, без папмам и ипотек. Стоило лишь дяденьке из Америки, то есть, из другого мира, умереть.

И только позднее, путем длительных умозаключений я понял, что дело далеко не во мне. Идея немножко самоубиться пришла в голову, когда пугало на меня посмотрело. Хотя это, скорее, образное выражение. Насколько можно было судить, головы, соответственно, и глаз, у этого странного существа не оказалось. Но в то же время я четко чувствовал, когда оно обращало свое внимание на меня. Вот сейчас, к примеру, ему было не до этого. Максutow перетянул одеяло на себя.

Пальцы Игоря Вениаминовича порхали, как у пианиста-виртуоза. То взмывали вверх, то опускались, создавая невиданные, едва различимые глазом формы. А после те обрушивались на чучело. Вот пролетело подобие палицы, следом гроыхнуло громадное ружье, ему вторил огромный клинок, попытавшийся рассечь это пугало надвое.

Надо сказать, что пришельцу из разлома не нравились подобные манипуляции. Не знаю, как это объяснить, я почувствовал, что ли? Оно злилось, отмахивалось и будто бы накапливало силы.

А еще я уловил некоторую систему в движениях Максutowа. Он создавал заклинания проворно, быстро забивал-накладывал подобие чешуек друг на друга. Где-то больших, в иных местах совсем крохотных. Под невидимыми манипуляциями князя они расплзались все дальше, заполняя форму, а после образовывали заклинания. Самое долгое, на какое потратил время Максutow, заняло четыре секунды. Самое короткое – полторы.

Мне вдруг вспомнился министр, который перед тем самым хлопком и ранением тоже наворожил заклинание. Я почему-то запомнил каждое движение его пальцев. Скажу больше, именно сейчас внутри зародилась уверенность, что я смогу повторить, справлюсь. Совсем как в последнем матче, когда шмальнул мяч в ворота через половину поля.

Я начал неуверенно перебирать пальцами, чувствуя себя полным идиотом. Постарался сконцентрироваться. И самое главное, я верил, что у меня получится. Формировал в руках невидимые крупницы, которые пытался выстроить в широкой плоской поверхности перед Максutowым. Не сразу, только раза с четвертого или с пятого, я ощутил дрожь, пробежавшую по всему телу. Что-то происходило.

Голова закружилась, кровь будто бы превратилась в горячее вино, которое пьянило и придавало мне дополнительной энергии. Движения стали увереннее, быстрее, словно я всю жизнь только тем и занимался, что создавал заклинания. Но вместе с тем дело шло.

Я почти успел сотворить тот самый, вытянутый по вертикали овальный щит, когда пугало рванулось вперед. Энергия, исходящая от него, была колоссальна и чудовищна. Она могла свести с ума кого угодно. И даже такого человека как Максutow. Но не достигла князя, влетев в созданное заклинание.

Мое творение какие-то доли секунды держалось, наливаясь чужой силой. А потом разлетелось на части, ударив и по мне. Ноги стали ватными, из тела будто вынули все кости, и я повалился на камни, теряя сознание. И последнее, что услышал – леденящий душу вой.

* * *

При пробуждении я решил, что меня пытаются убить. Другого объяснения, почему надо мной склонился здоровый мужик с самой злодейской физиономией, я не нашел. Я попытался дернуться, но голова взорвалась, словно фейерверк на день города.

– Лежите уж, господин, лежите, куда собрались? Я, почитай, уже четвертый час жду, когда Вы очнетесь.

– Господин? – удивился я, разглядывая комнату и при этом стараясь лишний раз не шевелить головой. – А Вы кто?

– Известно кто, Илларионом меня кличут. Даниилу Марковичу прислуживал, теперь, стало быть, Вам буду.

– Илларион...

– Можно попросту, Илька. Чего ж Вам язык-то ломать...

– Илларион, – повторил я, еще не понимая, как этого здоровяка с проседью в курчавых волосах именовать Илькой. – Расскажите, пожалуйста, что произошло?

– Да что тут рассказывать, – пожал плечами мой новоиспеченный слуга. – Принес Вас высокопревосходительство бесчувственного. Мне на руки передал. Я Вас уложил, наружу выглянул, а там трупы. Двое – явно из служивых. Магией, стало быть, убиты.

– С чего Вы решили?

– Так тела у них целехонькие. А вот глаза стеклянные. И ужас в них запечатлен. Впрочем, за ними слишком скоро приехали. Да еще двор весь в жандармах до сих пор. Ходят, спрашивают. Ко мне вот заходили. Вопросы разные задавали, может, видел или слышал чего.

– А Вы слышали? – наконец сел я на кровати, облокотившись на стену. Голова гудела, будто ее перепутали с мячом и влупили со всей дури.

– Нет. Мне сказали, что Вы сегодня придете. Я вот и ждал. Трактирной еды заказал, не бог весть что, однако ж, пища неплохая, прежний хозяин ею потчевался. У нас, господин, и кухарки-то нет. А мою стряпню Вы вряд ли есть будете. И еще, господин, тут высокопревосходительство вещицу ценную с Вами оставили. Вон она, на столике.

Столиком оказалась прикроватная тумба. А вещицей – внушительный кристалл соли. Ну, или чего-то похожего на соль. И почему-то новоиспеченный слуга смотрел на эту «вещицу» не то со страхом, не то с благоговением. Видимо, действительно нужная в хозяйстве штука. Суп варить или кашу. Только с какой стати ее Максutow мне передал? Правда, помимо этого у меня был еще миллион вопросов.

– Илларион, скажите, пожалуйста, а почему Вы остались? – спросил я. – Вы ведь не крепостной. Да и, как я понял, крепостных уже не осталось. А после смерти... – я напряг память, – Даниила Марковича могли уйти на все четыре стороны.

– Да куда ж я пойду? – пожал плечами он. – К тому же господин просили за Вами приглядеть. Мол, одного Вас оставлять нельзя.

– Надо же, – искренне удивился я. – А что еще просил Даниил Маркович? Илларион, говорите, я Вас очень прошу. Нет, я требую!

Сказал, а сам осекся. Да, власть меня, определенно, портит. Помахали даром перед носом, пообещали титул, слугу выдали, так голова кругом пошла. Однако Илларион воспринял подобное обращение как должное. Он пожал своими широкими плечами, а после короткой паузы ответил:

– Да ничего такого, господин. Наказал оберегать Вас от дурного, сказал, какие книги дать читать в первую очередь, кому письмо отнести по Вашему поводу.

– Что за письмо?

– Того не знаю. Внутрь не заглядывал. А кому – сказать могу, про то уговора не было.

– Так кому?

– Его превосходительству господину Самарину Александру Дмитриевичу. Он в кассационном департаменте служит. Великого ума человек, пусть и недом. Еще надворным советником дружили с хозяином. Да все там. Как его в Сенат назначили, так разошлись их дорожки.

Я кивнул, еще слабо понимая, что к чему. Но имя для себя отметил. Друзей у меня тут нет. Но Ирмер не случайно отдал дар мне. И если уж он отправил письмо Самарину, то, может, тот хоть что-нибудь знает о великом замысле Даниила Марковича. Ведь зачем-то он все это устроил? Наверное, составил какой-то план и в точности его придерживался.

Надо будет навести справки, когда представится возможность. Вопрос только – как. Интернета, я так понял, тут нет. Можно ли здесь попросту прийти в гости? Я же не Винни-Пух какой-нибудь, а без пяти минут граф.

Словно подслушав мои слова, Илларион заговорил вновь.

– Господин, тут его высокопревосходительство на Ваш счет указания давал. Чтобы доктора пригласить, как Вы очнетесь. А если все хорошо будет, то за господами послать, по поводу наследства. И еще, я Вам тут одежду приготовил.

Одежда оказалась в огромном шкафу. Большую часть занимало облачение прежнего хозяина дома, но нашлось кое-что и на меня. Точнее пришлось примерить немало вещей, прежде чем удалось подобрать нечто по размеру.

Если честно, выглядел я как папуас на королевском балу. Белая блуза с воротником, подобие фрака и широкие в бедрах штаны с высокой талией. В таком и за хлебом стыдно выйти, не то что гостей принимать. Однако Илларион уверил, что я выгляжу как франт.

Не знаю, как мой новый слуга все успевал, но только мы закончили с нарядами, как в дверь постучали. А ведь вроде все время со мной был, но все-таки успел доложить куда следует. Илларион метнулся ко входу, после чего вернулся и отрапортовал.

– Доктор с помощницей прибыли, еще их высокоблагородие господин Куропаткин, нотариус и их высокопревосходительство князь Разумовский по велению Императора.

Я обреченно вздохнул. Если честно, количество князей вокруг начинало утомлять. Я чувствовал себя, как диковинное животное в цирке, которое не понимает, чего от него хотят.

Но все продолжают ходить и смотреть на представление. С другой стороны, если уж по велению самого Императора...

Однако тут меня ждал сюрприз. И не в виде доктора, имени которого я даже не заметил (да что там, я и остальных не запомнил), а его прелестной спутницы. Той самой Варвары Кузьминичны, встреченной совсем недавно у стены. На ней было все то же черное платье с красным крестом. И только оказавшись рядом, я обратил внимание, что она далеко не симпатична, как показалось на первый взгляд. А ослепительно красива.

– Я осматриваю Вас, господин Куликов, если Вы не против, – достал доктор стетоскоп. – Рефлексы проверю.

Я кивал, как болванчик, позволяя проводить с собой все нужные манипуляции. А сам изредка посматривал на Варвару. Мне казалось, что краска так и не сходит с моих щек. Я почему-то стыдился нынешней ситуации: вроде как здоровенный детина, а еще прикидывается больным. Ну, и своей дурацкой одежды, в которой я смотрелся, наверное, ужасно нелепо.

– У меня нареканий никаких, – сказал доктор. – Господин Куликов, позвольте теперь осмотреть Вас Варваре Кузьминичне. Она – лекарь четвертого ранга.

– Да, конечно, – ответил я, старательно разглядывая пол.

Князь, высокий худощавый старик, тем временем был занят разговором с толстеньким носатым нотариусом и пока внимания на нас не обращал. Девушка подошла вплотную, я почувствовал легкий аромат цветочных духов. Отчего покраснел еще больше.

С виду Варвара Кузьминична не делала ничего сверхординарного. Просто положила мягкие ладони мне на голову и стояла молча. Хотя на самом деле, наверное, она сейчас меня сканировала. Ладно, главное, завязать непринужденную беседу. Девушки любят уверенных в себе. Еще желательно – с чувством юмора.

– Я думал, что Вы дежурите у стены, – сказал я. – Видел, как Вы лечили министра.

– Я прикреплена к госпиталю, – негромко ответила она. – Иногда, когда нет больных, нас отправляют на помощь туда. А Его Превосходительство я не лечила, он кровь себе сам остановил. Лишь рану закрыла, чтобы шрам не остался. Да и для лечения у таких господ есть свои лекари.

– А Вы вынуждены меня лечить? Согласен, немного несправедливо.

– Не вертите, – отрезала она.

Ну ладно, шутка не понравилась. Ишь ты, какая строгая. А ведь действительно, всего на чуть-чуть меня старше. Но чудо как хороша. Хрупка, стройна, еще глаза такие голубые, и рыжие волосы. И грудь.

Я снова зарделся, как маков цвет. Вот, блин, Колян, не о том ты вообще думаешь. Тут бы понять, как дальше жить, а тебе все о девчонках.

– Ничего опасного для жизни нет. Скрикошетило от примененного Зеркала. Точь-в-точь, как у его превосходительства. Только там рана физического плана, а здесь – ментальное воздействие. Пара дней – и все придет в норму.

Что самое интересное, говорила она это не доктору, который, судя по всему, был недомом, а тому самому князю-старiku. По крайней мере, он внимательно ее слушал и кивал. После чего Варвара Кузьминична сделала легкий реверанс и откланялась, на прощание одарив меня пристальным взглядом. Ушел и доктор.

– Зеркало, – покачал головой князь, явно удивляясь. А я все силился вспомнить его имя-отчество. Вот ведь голова моя садовая. – Признаться, не думал, что Вы так быстро воспользуетесь даром. К тому же еще на таком сложном уровне. Когда заклинание-то успели выучить?

– Да я не учил, Ваше Высокопреосвящ...

– Высокопревосходительство, – поправил он, лукаво улыбаясь.

– Высокопревосходительство, – покраснел я вновь. – Увидел, как Алексей Симеонович его применил. Решил повторить.

– Похвально. И весьма недурственно, надо заметить. Заклинание четвертого уровня сложности, да еще в случае первого сотворения... Знаете ли Вы, что спасли жизнь Максutowу? Хотя Бог с ним. Знаете ли Вы, что смертельно рисковали, применяя его? Ведь Зеркало действует именно так. Отражает большую часть нанесенного урона, а меньшая достается заклинателю.

У меня комок в горле встал. Так значит, вот что сделал министр. Повесил заклинание на меня, а совсем не на себя. Получается, это пытались убить меня, а не Алексея Симеоновича? Вопрос – кто и зачем? Я же, вроде, никому дорогу не переходил.

– Видимо, на этот счет у Вас нет ответов, – князь правильно воспринял мое молчание. – Тогда перейдем к делу. Сначала Вы, Петр Филатович, – обратился он к нотариусу.

– Благодарю Вас, Ваше Высокопревосходительство, – смешно взмахнул рукой собеседник, отчего бумаги, зажатые под мышкой, чуть не полетели на пол. – Тут сущие пустяки, надо лишь поставить подпись. После чего все имущество ныне покойного Даниила Марковича и его средства перейдут к Вам. С одной оговоркой.

Я даже не удивился. Сейчас будет какая-нибудь приписка мелким шрифтом, вроде «вступающему в наследство надлежит каждое утро кричать петухом, умываться слезами девственниц и бить себя веригами». Наши банки такое часто практиковали. Разве что без слез девственниц.

– У господина Ирмера было только одно условие. Все достанется Вам, если Вы примете его фамилию. При этом необязательно отказываться от своей. У Вас, к примеру, фамилия может быть двойная.

– Это упростит получение герба, – вторил нотариусу князь. – Поскольку у Ирмера более нет наследников, то Вы можете взять за основу его изображение, добавив несколько деталей. Ибо в противном случае необходимо сначала подать прошение в Департамент Геральдики об изготовлении нового герба. После состоится заседание общего собрания, и Сенат вынесет определение, затем нужна процедура согласования с герольдмейстером и подношение к министру юстиций на высочайшее утверждение...

– Я понял, Ваше превосходительство, – прервал я к явному его неудовольствию. Ладно, отметим себе: нельзя перебивать старших по титулу и званию. – Я возьму фамилию Даниила Марковича. И в то же время оставлю свою.

– Превосходно, – почему-то обрадовался нотариус, будто был сам заинтересован в происходящем. – Тогда подпишите, пожалуйста, здесь, здесь и здесь. И еще вот здесь. Эти бумаги остаются у Вас, берегите их, а эти у меня.

– Спешу поздравить Вас, граф Ирмер-Куликов, – то ли с насмешкой, то ли искренне сказал Разумовский, протягивая мне приготовленную заранее грамоту. – Мы немного спешим и делаем все в обход заведенных правил, но таковы времена. Отныне Вы подданный его Императорского Величества. Со всеми правами и обязанностями. Еще, господин граф, думаю, не надо напоминать, что об инциденте с господином Максutowым лучше никому не говорить. А сульфар, скажем, достался Вам по наследству. Налог только на него все же не забудьте заплатить.

Я стоял в тепер уже своем доме, наделенный дворянским титулом, наряженный в дурацкую одежду. Во рту образовалась горечь, как у ребенка, которому пообещали мороженное, а дали рыбий жир. Разумовский заранее знал, что я соглашусь на условия покойного Ирмера и возьму двойную фамилию. И грамоту сразу подготовил. Что называется, увяз клювик, всей птичке пропасть.

Но больше всего я не мог понять, почему мне так не нравится интонация, сделанная на слове «обязанностями».

Интерлюдия

Вся компания разместилась во флигеле, выходящем во внутренний двор. Его построили уже после перехода. И все потому, что бывший особняк Морозовых был относительно небольшим (учитывая царские запросы), оттого супруге императора, Елизавете Сергеевне, сильно докучали собрания. Пусть и целью их были дела исключительно государственные. За довольно редким исключением.

Его Величество Роман Николаевич, несмотря на кажущуюся строгость, а порой и суровость с поданными, жене противиться не мог. Оттого и переместился сюда. Впрочем, довольно скоро обставил новое место согласно собственному вкусу. Разместил во флигеле письменный стол, многочисленные диваны для «компаний», массивное кресло для себя.

Помимо прочего здесь стояли книги, небольшая коллекция оружия, и еще один крохотный столик – курительный. Именно за ним сейчас восседал Его Величество, облачившись вполне неофициально в бархатный костюм. Елизавета Сергеевна считала, что бархат хорошо поглощает табачный дым и запах, и они не выходят дальше флигеля. Поэтому после совещаний император переодевался, и только потом посещал супругу.

Сейчас Его Величество пил пряный испанский портвейн, запасов которого, кстати, почти не осталось. По разумению Романова, в этом мире давно пора было заняться поиском хорошего алкоголя. Вот только, покамест, имелись более насущные дела.

Компанию Его Величеству составляли великий князь Владимир Георгиевич – сын дяди императора, председатель Государственного Совета Максutow Игорь Вениаминович, личный Вестник Его Императорского Величества Вельмар Илья Викторович, а также сенатский обер-прокурор и действительный тайный советник граф Покровский. К слову, последний был единственным незнакомцем среди присутствующих.

Вся немногочисленная компания молча курила, пила – кто коньяк, кто портвейн – и ждала. Пятого постоянного члена группы приближенных к Романову, ныне отбывшего по срочному делу обер-гофмейстера двора Его Императорского Величества князя Разумовского Бориса Карловича.

Нынешний хозяин дома в очередной раз стряхнул пепел, погладил свои роскошные усы и заговорил.

– Каким он Вам показался, Игорь Вениаминович?

– Обычный мальчишка, Ваше Величество, – пожал плечами Максutow. – Неглупый, физически развит хорошо. Но на этом все, таких тысячи. Почему Ирмер выбрал именно его, мне непонятно.

– Надо было раньше этого Ирмера дожимать, – добавил Владимир Романов.

Холодное лицо брата императора выражало крайнюю степень решимости, отчего походило на восковую маску. Владимир Георгиевич вообще оказался не похож на прочих Романовых. Ни статью, ни природной красотой, ни магическими данными он не вышел, да и умом, если говорить начистоту, тоже.

При выпуске из лицея четвертого ранга добился, а потом за все года еле дополз до второго. Да как ни пыжился, на нем и остался. Может, вследствие этого, а может, чего еще, но имел он характер жесткий, порой даже жестокий. Единственное, за что его привечал сам брат, император Великой России, так за собачью преданность.

– Мы, Володенька, очень уж крепки лестничным умом, – вздохнул Его Величество. – Да после драки кулаками-то не машут. Дар у мальчишки, мы, стало быть, забрать просто так не можем?

– Технически, можем, – с радостью отозвался обер-прокурор. Будто только этой фразы и ждал, – И прецеденты подобные были, Ваше Величество.

– Вот только прецеденты были с Вашими подданными, – сухо заметил Максutow, глядя на императора. – А он из застенцев. Сейчас все взоры того мира будут обращены на него. Придется даже время от времени выпускать его, показывать, что все с ним хорошо.

– А если иллюзией заменить? – спросил император.

– Застенцы аппараты какие-то приспособили для измерения магии, – ответил Максutow. – Раскроют нашу уловку.

– Разве это не повод наконец начать войну? – рубанул ребром ладони по столу великий князь.

Все присутствующие с прискорбием посмотрели на брата императора. Как на переболевшего свинкой ребенка, который ныне пускает слюни. Даже обер-прокурор, уж он-то титулом и вовсе не вышел, укоризненно покачал головой.

– Войны начинают в нужное время, Володенька. А мы лишились одного из магов первого ранга. Лишились глупо. Да и рекогносцировка застенцев еще не окончена. Нужно ждать.

Они продолжили молча выпивать, наполняя комнату дымом сигарет. И никакой бархатный костюм Его Величества не помогал.

– Илюша, а ты что думаешь? Что тебе звезды говорят? – спросил император.

На самом деле звезды тут были ни при чем. Вестники, в отличие от прочих магов, имели только одну способность – заглядывать сквозь ткань настоящего в грядущее. И опирались не на звезды, а исключительно на собственный дар.

Однако деятельность их была окутана такой таинственностью, что прочие, не сведущие в подобных тонких волшебных сентенциях, воспринимали их особые способности как чудо. Император, к слову, не самый сильный маг, несмотря на молодость Вельмара, относился к тому с превеликим уважением. Ко всему прочему, более сильного Вестника, чем Илья Викторович с его третьим рангом, в Империи на сегодняшний день попросту не существовало.

Гладко выбритый Вельмар поправил пенсне, воровато оглянулся, после чего закатил глаза и томным голосом произнес:

– Смерть. Кровь. Война.

– Смерть, кровь, война, – передразнил его Максutow. – Будто Вестники говорят что-то другое.

Вельмар обиженно замолчал, решив, что вступать в перебранку с князем ниже его достоинства. К тому же сказать по правде, он искренне побаивался Максutowа. И, учитывая его способности, наверное, не зря.

– Так что же получается: один из сильнейших даров в Империи достался непонятно кому, – разочарованно протянул император. – Да и сделать мы теперь ничего не можем?

– Сильнейший дар был у Ирмера, Ваше Величество, – возразил Игорь Вениаминович. – Он ближе всех оказался к последней ступени. Как тот же дар проявит себя в мальчишке, нам пока неизвестно.

При этих словах он вызывающе посмотрел на Вестника, мол, Вы, господин, может, что-нибудь скажете? Но Вельмар в очередной раз поблелел и поправил пенсне.

В дверь постучали, и появился слуга. Тот открыл было рот, чтоб доложить о прибытии князя, но Разумовский следом вошел сам.

Был он сухого сложения и крайне неприятной наружности. Редкие седые волосы вокруг проплешины на затылке, крючковатый нос, сгорбленная спина. Да и внутреннее содержание не уступало внешности. В чем поспешил уверить одного из присутствующих острой шпилькой.

– Что ж Вас, Игорь Вениаминович, ментальная сущность среднего порядка так напугала? Кому скажешь, на смех поднимут. Самого Бульдога за воротник такая пустяковина взяла.

Максutow не ответил, зло скрипнув зубами. А Разумовский противным дребезжащим голосом продолжил.

– Все в порядке. Отныне птенец наш именуется Ирмером-Куликовым. Можно его в оборот брать. Заодно я осмотрелся, на место битвы нашего мага первого ранга поглядел. Жалкое зрелище, сказать по правде. Кто ж ментальную сущность, Игорь Вениаминович, Кистенем и Ружьем бьет? Ох, засиделись Вы на бумажной работе, засиделись.

– Жалко, Вас там не было, Борис Карлович, Вы бы продемонстрировали свое мастерство. Или нет? Куда уж там, магу второго ранга, – прошипел в ответ Максutow.

– А Вы бы Погребальный звон применили, как каждого юнкера-молокососа учат, так может, и помог бы.

– Хватит, господа, хватит, – возвел руки к потолку, где клубился сизый дым, император. – Будет вам собачиться. Одно дело делаем. Расскажите, Борис Карлович, что узнали?

– Полного отчета еще нет, – будто оправдываясь, начал старик. – Но случай Разлома в городе подтвержден. Ментальная сущность среднего порядка убила двух магов третьего ранга и чуть не расправилась с нашим князем.

– Второй Разлом в этом мире, – испуганно прошептал обер-прокурор.

– Значит, напрасно мы думали, что сможем убежать от всего этого, – устало спрятал лицо в ладонях император. – И сразу ментальная сущность?

– Все так, – согласился Борис Карлович. – Так что решительно прошу Вас усилить его охрану до трех магов второго ранга и одного первого. Только берите опытных, а не канцелярских крыс, – издевательски скосил он глаза на Максutowа. – Что до парня, тот... уничтожил ментальную сущность.

– Подождите, я думал, это Вы с ней разделились, Игорь Вениаминович, – удивленно приподнял бровь император.

– Я все хотел сказать Вам, Ваше Величество, – смущенно начал Максutow. – Да не успел.

– Позвольте мне, – поспешил вмешаться гофмейстер. – Из первых рук, так сказать. Из разговора с мальчишкой стало ясно, что он использовал Зеркало. Прикрыл им князя. Сущность ударила сильной ментальной волной, и, как это ни забавно, убила сама себя. По парню скрикошетило, конечно, но не сильно. Очухается. Был бы у нее высший порядок, убила б. А еще я заметил у него на столике возле кровати сульфур.

– Он уничтожил чудовище, и все права на добычу принадлежат ему, – возразил Максutow. Но при этом на его висках выступили крупные капли пота.

– Ваше благородство делает Вам честь, Ваша Светлость, – шутливо поклонился Борис Карлович. – Как и Ваша глупость. Мальчишка не знает ценность всему этому. И прагматичнее было бы забрать сульфур в пользу Его Императорского Величества.

– Остыньте, Борис Карлович, остыньте, – махнул рукой Романов. – Формально Игорь Вениаминович прав. Кто уничтожает существо из Разлома, тот и забирает сульфур. Вы же описали его в своем докладе, Игорь Вениаминович?

– Все так, Ваше Величество.

– Значит, мальчишка заплатит налог, и дело с концом. Думаю, если здесь станут появляться Разломы, недостатка в сульфурх мы испытывать не будем.

Император залпом осушил фужер и прикурил еще одну сигарету. От них уже першило в горле, но не курить в таком состоянии Романов не мог.

– Скажите, милейший Борис Карлович, а откуда мальчишка узнал про Зеркало? Если не ошибаюсь, это заклинание...

– Четвертого ранга, – подсказал гофмейстер. – Но это никоим образом не говорит о способностях паренька. Порой и второсортные маги способны применить Взор или Невидимость. Причём разово. А после, как ни стараются повторить, у них ничего не выходит.

– И все же...

– Говорит, что подсмотрел, – ответил Борис Карлович, – У Алексея Симеоновича, когда тот успел сотворить Зеркало для защиты мальчишки.

– Для защиты мальчишки? – брови императора поползли на лоб. В одно мгновение Романов на глазах превратился из домашнего подкаблучника в сурового правителя. – На кой черт понадобилась ему защита? Кто мог позволить себе глупость нападать на моего подданного?! И почему я узнаю об этом последним?!

– Еще не успели составить доклад, Ваше Величество, – поспешил вмешаться Максотов. – Зубарев до сих пор занимается...

– И ты, Игорь, знал и молчал? Эти застенцы попытались убить мальчишку, чтобы не отдавать мне. Это же... это...

– Это не застенцы, Ваше Величество, – негромко заметил гофмейстер. – Все, что мы знаем – заклинание Зеркало не нашло себе цель. Там работал маг первого ранга.

Во флигеле повисла поистине гробовая тишина. Сказанное Разумовским не укладывалось в голове императора. Все маги первого ранга были наперечет. И тут один из них попросту решил убить мальчишку. Измена! Измена подлая и коварная. И именно в тот момент, когда им вновь стали угрожать чудовища из Разломов.

– Приставить к мальчишке охрану из моей личной сотни. Двух. Нет, трех магов. Переодеть в жандармов и приставить. Пусть следят за каждым его шагом. Если что с ним случится, головой ответят!

Император затушил сигарету и гневно посмотрел на собравшихся. Обычно после трех-четырех выпитых фужеров портвейна его характер смягчался, а настроение приподнималось. Но подобным сейчас и не пахло.

– И, думаю, пора начать готовить всех, кто сможет сражаться против существ из Разломов. Мы думали, что убежим от всего этого. Но, к сожалению, за собой притащили смерть в этот мир.

Глава 7

Следующие несколько дней ушли на восстановление здоровья. Несмотря на то, что физических ран у меня не было, котелок немного подтекал. Это проявлялось в частых головокружениях и отголосках чужих мыслей, которые постепенно становились все тише.

Я решил провести это время с максимальной пользой. Сначала ознакомился с домом. Ничего особенного, как отметил Илларион. Всего-то лишь кабинет, опочивальня, библиотека, две ванны, обеденная, гостиная, скромная кухонька, большой чулан и комната Иллариона. Так сказать, граф Ирмер-Куликов был бедный, и слуга у него был бедный, и прочая нечисть.

К слову о нечисти. Исследуя чулан, я познакомился еще с одним домочадцем. Причем, произошло это так неожиданно, что я с испугу даже заорал. Хотя раньше за мной подобных слабостей замечено не было. Говорю же, распатались нервишки.

– Что такое, господин? – появился на пороге здоровый Илларион. – Ударились? Али голова опять закружилась?

– Кто это? – указал я пальцем на крохотное создание, приютившееся на ящике.

– А, это, так Пал Палыч, – объяснил Илларион.

– Здравсьте, – добродушно протянуло нечто.

Похоже оно было на... колобок, что ли? Маленькое, круглое, в широких коротких штанах, которые еле сходились на талии. Точнее, на том месте, где должна быть талия. На голове у Пал Палыча красовалась меховая шапка, из-под которой торчала копна русых волос. И все бы ничего, он вполне мог смахивать на ожиревшего мужчину средних лет, если бы не рост. В нем и полуметра не было.

– Я дико извиняюсь, а Пал Палыч – это кто?

– Суседушко, – опять «доступно», как он, наверное, считал, объяснил Илларион. – Простый господин большой был охотник до всего, что Разломов касалось. Вот и приютил Пал Палыча.

– Истинно так, – согласился суседушко. – Широкой души человек был. Царствие ему небесное.

– А... Вы вроде домового? – догадался я.

– Вроде, – усмехнулся Илларион. – От домовых хоть прок какой-то, по хозяйству они помогают. А этот – нахлебник самый настоящий. Божился, что дом оберегать будет. От несчастий и бедствий охранять. А на деле – только жрет и спит.

– Это грязные инсинуации. Во-первых, не случалось подобных событий, о которых бы предупреждать надобно было. Во-вторых, дом я оберегаю. По мере сил. Он вон какой большой, я же, напротив, махонький. В-третьих, мне ж тоже надо чем-то питаться.

– Предупреждает, ирод. А о переходе хозяину сказал? Кабы не он, так ты сам бы Там остался. И про скорую смерть его даже словом не обмолвился, зараза. Вон разъелся как, одежда по швам трещит. Я ж, господин, только из-за него дома и не готовлю. Зазеваешься, эта прорва все и стащит.

Лишь теперь я начал понимать, почему недоеденные за ужином блюда к утру исчезают. Еще грешил на Иллариона, он мужик здоровый, может, устраивает ночной дождор. А тут все объяснилось гораздо проще.

– Извольте, бытие формируется индивидуумом исключительно в разрезе восприятия мира этого индивидуума, его собственного разумения и способностей, – протянул Пал Палыч. – А не готовишь ты, потому что у тебя из любого продукта кислые щи получаются.

– У нас Там, – махнул неопределенно куда-то за спину Илларион, – погреб возле библиотеки был. Вот эта зараза и понахваталась всего. Книги он любит, стервец.

– Без книги в мире ночь и ум людской убог, без книги, как стада, бессмысленны народы. В ней добродетель, долг, в ней мощь и соль природы, в ней будущность твоя и верных благ залог.

– Тьфу, балабол, – и в самом деле сплюнул на пол Илларион.

Что интересно, голос у соседки был распевный, чарующий. Ему бы аудиокнижки для детей озвучивать. Но меня не отпускала одна важная мысль.

– Получается, ты создание Разлома? Значит, и магией владеешь?

– В меру способностей, – уклончиво ответил Пал Палыч.

– Какая у него магия? – фыркнул Илларион. – Так, грязь из-под ногтей. Свечи подпалить, камин разжечь.

– Мясо с кровью довести до полного приготовления... – будто согласился соседко. – Работник безалаберный пошел, Ваше Сиятельство. Тот же трактир взять...

– Не Сиятельство он, – буркнул Илларион.

Я же понял, что разговор стал уходить в ненужное для меня русло. Пришлось поправлять.

– Пал Палыч, а что там, за Разломом?

– Холод, мрак и бесчинства.

Соседушно произнес эти слова скороговоркой, чужим, испуганным голосом. Будто готовил их заранее. Впервые за все время он утратил свое спокойствие и заерзал на ящике.

– Вот и прошлый хозяин, как ни бился, а ничего вразумительного от него выудить не смог, – сказал Илларион. – Да и не говорят они ничего. Когда паразиты эти к нам поперли, жандармы сначала даже пытали их. И водяных, и бесов, и леших, и луговиков. Только толку чуть. Может, господин, выгнать эту мерзость, а?

Стоило слуге сказать это, как соседко с громким хлопком, словно пробку выбили из бутылки шампанского, исчез. Хотя я слышал обиженное сопение приживалы где-то рядом.

– Вот так всегда, – усмехнулся Илларион, довольный своей шуткой. – Паразит, что и говорить. Правда, безобидный.

– Пусть живет, – махнул я рукой. – Мы в ответе за тех, кого приручили.

– Разумен господин не по годам, приятно слушать, – отозвалось из пустоты. Но обратно Пал Палыч не вернулся. – Всем бы такую светлую голову на плечи. А это из какой книжки слова, позвольте полюбопытствовать?

На том и разошлись. Впрочем, Илларион оказался прав. За все время я более не слышал и не видел это крохотное создание. Изредка находил раскрытые книги в библиотеке да по пустым тарелкам утром вспоминал о наличии у нас такой диковинки. Ну что ж, не мешает, и то хорошо.

К чему я приступил незамедлительно – перечитал все бумаги, касающиеся моего наследства. Как оказалось, слишком рано я раскатал губу. Имущества у господина Ирмера оказалось с избытком: две фабрики, фамильный особняк, летняя резиденция, небольшой доходный дом, какие-то дорогие предметы искусства и прочее, прочее. Вся беда в том, что практически все это осталось Там, в родном мире Даниила Марковича.

Как рассказывал Илларион, узнали они о перемещении благодаря Самарину, который прислал посыльного. Да и то, узнали в последний момент. Что успели, собрали, и рванули на Васильевский остров. Поэтому только в родном мире Ирмер Даниил Маркович был богатый князь, а в этом стал простым бедным аристократом. Причем не он один.

Вообще, с этим перемещением вышла забавная вещь. Как я понял из рассказов Иллариона, дела в Империи шли – не сказать чтобы замечательно. Не проходило недели, чтобы не случился новый Разлом. Причем больше нятных телепузиков вроде Пал Палыча он не приносил. А рождал исключительно разных смертоносных существ, ликвидация которых несла больше затрат, чем пользы.

В народе зрели усталость и недовольство. Помимо постоянных нападений, люди сетовали на отсталость в реформах. Хотя тут я императора понимал. Зачем менять то, что и так рабо-

тает? Только хуже делать. Восстаний тут практически быть не может. С нынешним-то уровнем магического надзора. А промахи в отсталости и экономическом развитии компенсировались сульфарами.

Что такое сульфар? Тот самый белый кристалл, похожий на соль, который мне отдал Максutow. Они являлись универсальными источниками магии и использовались для создания различных амулетов и реликвий, удерживая волшебную энергию в предметах. Получались сульфары просто – выпадали из чудовищ. Способ овладения ими тоже довольно незамысловат, кто существо убил, тот и забирает кристалл. Либо добыча делится между группой. С другой стороны, когда тварей стало больше, цены на сульфары упали. А подготовленные в военном плане люди и созданные амулеты тем временем заканчивались.

Игорь Вениаминович, как человек благородный, почему-то отдал эту вещицу, похожую на кристалл, мне. Сказать по правде, я так и не понял, почему. С той самой битвы ничерта не помню. В сознании остался только кусок с созданным воспоминанием, атакой пугала и чудовищным криком. А что дальше – пустота. Вряд ли я там чего-то героического наворотил. У меня и красного плаща даже не было.

Но раз дали, значит, так надо. Дают бери, а бьют беги. Мой пыл остудил Илларион. Мол, с каждого сульфара надо платить в казну пятнадцать процентов от стоимости кристалла. И правда, не прошло даже пары дней, как на пороге появился почтальон с официальным уведомлением от департамента акцизных сборов. Мне необходимо в месячный срок с момента получения этого уведомления оплатить налог.

С почтальоном пришел и сгорбленный дядька, с виду типичный ювелир с биноккулярной лупой, которую он сразу надел на глаз. После длительного осмотра этот дядька оценил сульфар в две тысячи шестьсот имперских рублей. Заполнил квитанцию, поставил печать и поблагодарил за убийство существа Разлома. А после они ушли, оставив меня с грустным осознанием, что теперь нужно отслуживать в казну почти четыреста рублей.

Вот так, не успев полюбить новую родину всей душой, а она уже стала обдирать как липку. Не скажу, что сумма была очень серьезной. После похода в банк, тот самый «Имperiал», который для благородных господ, выяснилось, что немного денег у меня есть. Ключевое слово «немного». Тысяча двести семь рублей, пару сотен из которых я снял.

Тратили мы в день самые крохи, от девяти до семнадцати рублей, на еду. Все-таки у нас три рта, а третий, несмотря на размер, самый основной. Видимо, рано я пообещал не выгонять соседушко. Если кушать нечего станет, его замаринуем. Осталось только выяснить, где у них тут можно шашлыки делать.

Дом, в котором мы жили, Ирмеру не принадлежал. Один плюс, он оказался арендован до декабря. То есть у меня в запасе остались несколько месяцев, чтобы не париться, где я буду жить. Обнаружился, кстати, какой-то судоремонтный завод на местной верфи. Еще со времен, когда Ирмер жил Там. По словам Иллариона, господин и в лучшие годы на васьильевскоостровской верфи пару раз всего появлялся. А что на заводе теперь, один бес знает.

Учитывая, что Нева сделала ручкой, ничего хорошего. Поэтому я решил, что и там меня ожидают, скорее всего, очередные убытки. Но, на худой конец, территорию завода можно будет продать. Если дела пойдут очень плохо, тогда избавлюсь от сульфара. Думаю, если даже удастся продать его в половину заявленной стоимости, и то плюс. Илларион говорил, что государственные оценщики, как правило, завышают цену, чтобы стрясти побольше налогов.

В общем, много чего интересного здесь. Надо пожить, осмотреться и не совершать резких движений. С тем же самым расчетом я пока и налог решил не платить.

К слову, мне принесли все имущество, позабытое в больнице – рюкзак с футбольной формой и личными вещами. Телефон превратился в кирпич, не реагируя даже на включение. Именно в этот момент я жутко затосковал. Вспомнил тетю Машу. Несмотря на все недостатки, тетя была хорошей. Как она без меня там, интересно? И пацаны. Грудь сдавила жуткая тоска

и предчувствие грядущей беды. Новый мир оказался жестким, недружелюбным, и что самое важное, чужим. Он не торопился принять меня, иноземца, в свои объятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.